

Анна Артюшкевич

УРОВЕНЬ ZERO – 2

Пейзаж с дождем

Анна Артюшкевич

Уровень ZERO – 2.
Пейзаж с дождем

«Издательские решения»

Артюшкевич А.

Уровень ZERO – 2. Пейзаж с дождем / А. Артюшкевич —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830925-0

Журналисты Зинаида, Борис и Роман обнаруживают, что ученые, которые охотятся за работами Алексея Стасевича, владеют современными психотехнологиями и подчинили себе политическую и деловую элиту города. Друзья помогают Глебу Полторанину их обезвредить. Они понимают, что начинается новый этап жизни: знание тайных пружин, движущих человеческими поступками, а также сверхспособности, которыми одарил их магический кристалл, накладывают на них дополнительную ответственность...

ISBN 978-5-44-830925-0

© Артюшкевич А.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	12
III	17
IV	23
V	29
VI	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Уровень ZERO – 2

Пейзаж с дождем

Анна Артюшкевич

© Анна Артюшкевич, 2018

ISBN 978-5-4483-0925-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Осень все увереннее хозяйничала в городе. Темнело рано.

Я возвращалась домой, поскальзываясь на листьях, прилипших к мокрому асфальту. В плоских лужицах вспыхивали огни фонарей, капли, срываясь с веток, стучали по зонтику, мимо проплывали громады троллейбусов, и бледные лица в освещенных окнах причудливо искажались тонкими струями дождя. Терпко пахло влажной землей.

Внутри меня дрожал тончайший стеклянный шар. Казалось, стоит долить в него чуточку, как зыбкое равновесие нарушится, чувства хлынут наружу, и чем все кончится, неизвестно. Наталья настаивала, что это невроз из-за летних событий, и советовала сходить к врачу. Жуков, похоже, думал иначе.

Я частенько ловила на себе его беспокойный взгляд, и мне это не нравилось. Однажды он подошел ко мне и спросил:

– Ну, что с тобой?

И погладил по голове. Я заплакала. Борька растерялся: плачущей он меня никогда не видел.

Я рассказала, что каждую ночь в мои сны врывается Куницын, я смотрю в его перекошенное ненавистью лицо, на ствол пистолета, раздается выстрел, и я просыпаюсь от боли в сердце и собственного крика. Борька молча гладил меня по макушке, дул на волосы, а потом неожиданно спросил:

– Полторанин не объявлялся?

– Нет, – зарыдала я во весь голос.

– Ну, ничего, ничего, – приговаривал Жуков, – все будет хорошо, поверь мне. Ты же веришь мне, правда? Я ведь тебе никогда не лгал!

И скорчил смешную рожицу. Я всхлипнула и рассмеялась. Борька обрадовался.

А сейчас я брела домой, пытаюсь разобраться, чего в душе моей все-таки больше: печали или тихой радости? И с чего бы этой радости взяться, когда одиноко и мокро, а все лучшее осталось в теплых, сверкающих летним дождем днях?

***

Лето пролетело диковинной птицей, уронив в руки мне, Жукову и Ромке Шантеру по сияющему перу. И теперь мы не знали, что с этим делать.

Паломничество к синему валуну и знакомство с озерным монстром могло показаться нереальными, если бы не странные изменения, которые в нас происходили. Днем я старалась о них не думать, но по ночам мне снились кошмары, будто тело покрывает чешуя, а плечи оттягивают тяжелые перепончатые крылья... Я расправляю их, делаю с крыши шаг и парю над ночным городом, блестящим от дождя, а внизу переливаются и мерцают огни... Жуть и невероятное чувство свободы переполняют меня! Жуть от того, что я – это уже не я, а пьянящее чувство свободы – от счастья полета...

Просыпаясь, я лихорадочно осматривала себя, но чешуи не обнаруживала и успокаивалась до следующего кошмара.

Не знаю, что снилось ребятам по ночам, но дневной головной болью для нас по-прежнему было исчезновение Алексея Стасевича, чей «Пейзаж с дождем» я мечтала приобрести. Как ни старались его коллеги Федор и Соломон, – но отыскать парня не удалось, и мы решили, что он погиб. Тем более, что доказательства были налицо. Но неожиданно ниточка потянулась к Житовичскому монастырю, где, по слухам, появился удивительный иконописец.

Наш отчаянный коллектив занимался тогда поисками пропавшей машины Ферзя – солидного бизнесмена, сумевшего снять на фотокамеру возле монастыря странных людей в черном. Это была запутанная история, которую, вроде, удалось разгадать, хотя мы и не были в этом уверены. Клиента наше полужурналистское, полукриминальное расследование устроило, он нам заплатил, но Жуков, Шантер, и я нутром чувствовали: это еще не конец.

Во время поисков мы случайно наткнулись на иконы в крестьянской избе, и не поверили глазам: это была кисть Алексея! Образа народ считал чудотворными, монашеская братия никого к автору не допускала, и мы не поняли: то ли монахи удерживают его насильно, то ли, наоборот, от кого-то прячут? И самое главное, – Алексей это или нет? Может, мы все-таки ошибаемся? То есть, с одной стороны, появилась надежда, которой мы были безумно рады, а с другой, выходило, что Алексей сам приложил руку к имитации своей смерти, во что было трудно поверить. Истину надлежало выяснить в ближайшее время, но в душе каждый из нас решил, что Стасевич жив: его манеру письма подделать было невозможно.

Но самыми сладкими и болезненными для меня были мысли о Полторанине. Он возник в моей судьбе внезапно и так же внезапно исчез. За короткие мгновения успел трижды спасти мне жизнь и загадать столько загадок, что я не надеялась получить мало-мальски вменяемые ответы и на сотую их часть. Я сходила с ума, и все видели это. Но мне не было стыдно за свое сумасшествие. И мне не было стыдно за то, что я даже не пытаюсь его скрыть.

***

В темном дворе было пустынно, поскрипывали качели на ветру, где-то хлопала форточка. Я открыла ключом подъезд, взглянула наверх, и мне почудился чей-то пристальный взгляд. На всякий случай, достала из сумки холодное оружие – ручку, предполагая ткнуть ею в глаз зазевавшегося противника. Поглядывая вокруг и прислушиваясь, поднялась по лестнице.

Площадка моего этажа была погружена в полумрак, в нем смутно выделялся силуэт крупного мужчины, прислонившегося к стене. Мне он показался огромным. Сердце замерло, и я застыла, зажав в кулаке ручку. Мужчина оттолкнулся спиной от стены и медленно направился ко мне. Сделав резкий выпад, я вскрикнула: руки мгновенно были зажаты в мощные тиски, и мне показалось, что завязаны узлом. Раздался тихий смех, и знакомый голос шепнул:

– Ева...

У меня подкосились ноги.

...А потом наступил рассвет. Небо переливалось всеми оттенками перламутра, в сквере какой-то чудаковатый неумело играл на трубе, и под забытую мелодию над городом танцевали листья. Я никогда не была такой счастливой. И, наверное, никогда не буду. Тихонько выбравшись из комнаты, глянула на часы: половина десятого! А в десять совещание! Дрожащими руками набрала номер Жукова и, заикаясь, забормотала что-то о подкосившей меня болезни. Тот равнодушно прервал:

– Да более себе на здоровье!

Помолчав, добавил:

– Привет Штирлицу!

И отключился. Я стояла, ничего не понимая. Зашла в спальню. Полторанин открыл один глаз и сонно объяснил:

– Я Жукова еще вчера предупредил!

И накрыл голову подушкой, спасаясь от туманов.

– Ну, не свинство ли это?! – возмущалась я, пытаюсь добраться до него.

Глеб сделал захват, рывком перебросил меня через кровать, поставил на ноги и приказал:

– Женщина, твое место на кухне! Хочу кофе!

И снова накрылся подушкой.

Обычно завтрак в постель подавали мне. Дивясь непривычным чувствам и своим действиям, я послушно отравилась варить кофе.

Вечером мы ужинали в ресторане, потом купили шампанское и пошли домой. По пути танцевали в парке, считали звезды в реке, катались на старой карусели и пили шампанское из бутылки.

Во дворе Глеб побратался с подростками, выпросил гитару, хрипловато пел песни Высоцкого и романсы на бис.

Назавтра поехали за город, и он учил меня кататься верхом. Сидя в седле, я повизгивала от страха, но, свалившись несколько раз, успокоилась, и падала к лошадиным ногам молча, с христианским смирением. Животное, не приученное к таким кубретах, испуганно косилось в мою сторону и старалось стоять смирно.

– Экая ты, однако, корова! – в сердцах обругал Глеб, извлекая меня из-под копыт. – У тебя что, вестибулярный аппарат отсутствует?

– Отсутствует! – обиделась я. – Голова на высоте кружится!

Полторанин расхохотался и на глазах у всех принялся меня целовать. А вечером дома он как-то между прочим сообщил:

– Завтра уезжаю.

Мне стало холодно.

– Ну-ну, – сказал он, глядя меня по волосам, – все будет хорошо! Ты мне веришь?

Я не верила, и Глеб это понял. Подошел к окну и, глядя вдаль, спокойно сказал:

– Как-то не по-человечески у нас, я знаю, но ведь я ни на чем не настаиваю. Ты свободна.

Такого удара я не ожидала. Переспросила:

– На самом деле, свободна?

– Да, – твердо ответил он.

Я увидела напряженный затылок, приподнятые плечи, подошла и молча поцеловала его в шею. Глеб обернулся и сжал меня так, что трудно стало дышать.

Я подняла голову: глаза его были растерянными и по-детски испуганными. Таких глаз не могло быть у самого умного, сильного и надежного человека в мире, мне стало неловко, и я отвела взгляд.

Утром меня разбудил телефонный звонок. Это была Наталья. Недовольным голосом она спросила:

– Ну, что, выздоровела?

– Чего? – не поняла я.

– Ой, ну, не знаю, что у вас происходит, но только Жуков категорически запретил тебе звонить в течение двух дней. Сказал, что у тебя то ли нервное расстройство на почве простуды, то ли простуда на почве невроза. Я, конечно, не поверила, но он пригрозил, что вы больше не возьмете меня ни на одно дело, если я нарушу запрет. Так что, собственно, случилось?

Я поняла, что в Наталье обида борется с любопытством, и пообещала рассказать о своей загадочной болезни позже. А еще почувствовала огромную благодарность к Борьке за то, что он оградил меня на это время от любых звонков.

Я переросла тот возраст, когда каждый вздох при луне обсуждается с подружками, и твердо знала, что на определенном этапе советчиков в сердечных делах не бывает, и лучше со своими чувствами разбираться самой. Наталья же, как выяснилось, хотела, чтобы я составила ей компанию на праздновании юбилея какого-то заезжего ученого-историка. Тот владел информацией, необходимой для ее диссертации. Приглашение было на двоих, но муж Иван под благовидным предлогом ехать на торжество отказался и посоветовал взять меня.

Глеб бесшумно подошел сзади, и я включила громкую связь.

– Ну, поехали! – ныла Наташка. – Я бы тебя обязательно выручила!

Я взглянула на Глеба. Тот быстро написал на газете: «Имя историка?»

- Чижевский, – сказала она и удивленно спросила: – А зачем тебе?
- Я думала – Гумилев, – пояснила я.
- Очень смешно, – пробормотала Наталья.

Глеб сжал мое плечо и кивнул. По знакомому прищурю глаз я поняла, что имя ученого может быть связано с его приездом. И мне стало не по себе.

- Так когда за тобой заехать?

Глеб начертил: «Где празднуют?»

– На даче, – отозвалась Наталья, – в районе Сосновки. Обещали машину прислать. Начало в семь.

- Форма одежды? – поинтересовалась я.

– Ну, какая может быть форма на даче? – с досадой сказала Наталья. – У них все просто: всего два этажа, шашлыки во дворе, костер в лесу. В общем, одежда походная, но пристойная. И макияж не забудь.

Глеб показал мне кулак, потом сунул под нос газету с текстом: «Пусть приедет в 6.30 к ресторанику на реке „Три рака“. Это рядом с Сосновкой».

Я удивилась и прочитала текст по телефону.

- А что ты там будешь делать? – изумилась Наталья.

– Тебя встречать.

– Ну и ладно, не хочешь объяснять, и не надо. Заеду, как договорились, только не подведи меня.

Я положила газету и молча пошла на кухню. Глеб догнал меня, схватил за руку и быстро заговорил:

– Я знаю, о чем ты думаешь. Да, я здесь по делу. Но три дня были нашими, и я их выиграл с невероятным трудом. Поверь, это было сложнее, чем сельскому учителю попасть на три года на Канары. Я нарушил все инструкции. И говорю это не для того, чтобы набить себе цену, просто мы во многом похожи, и ты должна меня понять. Я, наверное, соскучился по покою и ощутил это, только когда узнал тебя. Но я не уверен, что смогу его долго вынести. Но ведь и ты в комплекте со своей поварешкой можешь существовать, максимум, неделю. А за сенсацию вся твоя братия год бы в болоте по шее сидела! Пойми, я приехал на три дня к тебе, а уж потом – по делу!

– Успокойся, – сказала я. – Ты не покоя хочешь, ты просто устал. Мы отравлены адреналином, и от этого никуда не деться. Скажи лучше: когда попрощаемся, ты еще долго будешь в городе?

Это было бы невыносимо: ходить по улицам, знать, что он где-то рядом, и не видеть его. Глеб, ощутив мой страх, покачал головой:

- Я уеду из города, но некоторое время буду недалеко.
- Ты приехал из-за историка? Знал, что Наталья пригласит меня?

Глеб понял, что меня мучило.

– Этого даже я просчитать бы не смог. Просто подумал, что речь идет об ученом, который интересовал нас в связи с одним делом. Хотя фамилия Чижевский меня тоже озадачила.

- Я могла бы помочь?

– Даже не вздумай! – отрезал Глеб. – А не то двое суток не слезешь с лошади! И, кстати, будь осторожней с незнакомыми людьми.

Потом мы пили кофе, и, как самый ценный приз в мире, день опять был нашим. И тогда я узнала, что счет жизни можно вести на мгновенья. И за каждое не жаль отдать жизнь.

После обеда Полторанин отлучился, и я не спрашивала, зачем. Вернулся с охапкой хризантем, бросил к моим ногам, сказал:

- Собирайся, такси ждет!

Через час мы были на пристани, где на бревенчатом настиле над водой стояли столики, дымился мангал, и деревянную будку, увешанную фонариками, украшала вывеска «Три рака». Рядом покачивались катамараны. Глеб пообщался с краснолицым здоровяком и подзвал меня.

– Как же давно я мечтал об этом! – жмурясь от удовольствия, он запихал меня в плавучее средство, сел рядом, и мы поплыли вдоль берега. Метров через триста причалили к пляжу. Глеб осторожно извлек меня из катамарана, бросил плащ на песок, и мы под тихий лепет реки молча любовались ее медленным течением, разбивая камешками стеклянную гладь.

– Ты многих убил? – неожиданно для себя спросила я.

Полторанин застыл, потом медленно повернул голову.

– Вот уж не ожидал от тебя такого вопроса, – бесцветным голосом сказал он. – Вопрос то банальный, неверный и некорректный.

Мы снова долго молчали.

– Как ты думаешь, – рассеянно спросил Глеб, покусывая травинку, – что справедливее: убить тридцать мерзавцев или одного праведника?

И после паузы продолжал:

– С точки зрения морали, видимо, тридцать мерзавцев. Но ведь каждый из них может родить по ребенку, и не факт, что они пойдут в родителей. Сын Малюты Скуратова помогал ближним, замаливал грехи отца, приличными, даже выдающимися людьми стали потомки Абакумова, Берии, Сталина, Бормана. Так что, с точки зрения математики, правильнее убить праведника.

На реку опускались сумерки. Где-то далеко на другом берегу засветились огни. Глеб задумчиво наблюдал за щепкой, танцующей на волнах. Потом снова заговорил:

– Люди после Каина уничтожали, и всегда будут уничтожать друг друга. Причем, не требуя характеристики жертв с места работы. Страшно другое. Однажды перешагнув через кровь, можно к ней привыкнуть и все проблемы решать потом радикальным способом. Так проще. И смерть тогда можно измерять в цифрах. Но кто сумеет решить задачку: если с одной стороны артиллерией уничтожено семь тысяч человек, а с другой за ночь перерезано всего три тысячи, кто гуманнее? И почему в расчет не берутся те, кто резал? А ведь им потом жить намного страшнее, чем родственникам убитых.

Мне было пронзительно стыдно. Пару лет назад я познакомилась с бывшим афганцем. Он рассказал, как за одну ночь душманы перерезали несколько тысяч его сослуживцев. А потом сбрасывали с самолетов их головы и прочие части тела. Оказалась среди них и голова его близкого друга. И тогда был отдан устный приказ ответить тем же.

После демобилизации мой новый знакомый пил два года. Днем и ночью. Приходил в себя и снова пил. Ему было страшно оставаться трезвым. И сегодня я поняла, что никогда больше не буду задавать Глебу подобных вопросов.

Почти стемнело, когда мы вернулись к причалу. К моему изумлению, все столики, кроме одного, были заняты. И в следующий момент я поняла, почему Глеб привез меня сюда. Деревянной будки не стало. Крохотный сказочный замок переливался новогодними огнями, их отражения плавали в реке вперемешку с опавшими листьями, похожими на разноцветные маленькие лады.

Тихо струилась старая мелодия, в щели между мокрыми досками с шорохом выплескивалась вода, на столиках под стеклянными колпаками теплились свечи. Это был волшебный оазис для одиноких заблудших душ и влюбленных. Первым дарилось призрачное тепло, вторым – уединение от всего остального мира.

Глеб повел меня к свободным местам, усадил и направился к стойке. Вернулся с коньяком и ледяным белым вином. Следом официант нес поднос с тарелками. Я скользнула взглядом

по тарелкам соседей, посмотрела на поднос. Официант выгрузил сыр и гроздь винограда. Глеб чуть заметно улыбнулся:

– Не бойся, не такой уж я законченный солдафон, чтобы хороший коньяк с лимоном употреблять. А коньяк здесь, кстати, отменный! Ты проголодалась? Я еще шашлыки заказал. И учти: самое большое заблуждение идти в гости к незнакомым людям голодной.

Я знала, что лимон хорош к водке, а коньяк раскрывает букет под вяленое мясо и фрукты. Мне нравился также сыр, желательно, чеддер. И мы с Жуковым, который тоже любил «нектар богов», всегда удивлялись, насколько живуч подхалимаж в нашем отечестве! Кто-то из царей, то ли Николай II, то ли Александр III, шифруясь от жены, наливал коньяк в стакан, а сверху клал дольку лимона, чтобы походило на чай. Идиотский пример оказался заразительным не только для его окружения, но и для нескольких поколений большевиков. Впрочем, в этом-то как раз ничего удивительного, пожалуй, и не было: чтобы избавиться от плебейства и занять собственный вкус, нескольких поколений явно мало.

Мы сидели за столиком, слушали музыку и плеск воды, Глеб гладил мои пальцы. И время обтекало нас, не касаясь светлого круга, очерченного свечой.

Вдруг с берега нервно засигналил автомобиль.

– Это за мной, – сказал Глеб и поднялся. Взгляд его стал беспомощным. – А где Наталья?

– Она придет, – сказала я. – Она всегда держит слово, ты не волнуйся.

– Но где Наталья? – не слыша меня, повторил он с отчаяньем.

Машина взвыла еще истеричнее.

– Иди, – сказала я, – все будет в порядке.

– У тебя сотовый заряжен? – суетливо спросил Глеб. – Вот деньги на такси.

Он погладил меня по плечу, прикоснулся к бокалу, скомкал салфетку, и я впервые увидела, как у него дрожат руки. И поняла, что должна что-то сделать.

– Глеб, – позвала я, – Глеб! Ты меня слышишь? У меня заряжен телефон, есть деньги на такси, а в сумке зонтик на случай дождя. Я сыта, тепло одета, сейчас придет Наталья, и мы отправимся в гости. А потом я вернусь домой, и буду ждать тебя. Я всегда буду ждать тебя.

Глеб больно сжал мои пальцы и побежал по настилу к машине, все время оглядываясь. Открывая дверцу, он успел увидеть, как подкатил белый ниссан, и из него выпрыгнула Наталья. Его машина сразу же тронулась. Наталья несколько секунд смотрела ей вслед, потом повернулась и заметила меня.

– Это был Полторанин? – спросила она. Я кивнула. Наталья молча открыла дверцу, мы сели в ниссан и отправились в гости к незнакомым людям. А за нашими спинами еще долго маячило светлое пятно ресторана «Три рака» с пляшущими фонариками на воде.

II

Ехали мы недолго. Свернули на улицу с затейливыми коттеджами и пришвартовались к шеренге разномастных автомобилей и такси. Чувствовалось, что здесь гуляют с размахом!

Мы вышли из машины и сразу же попали в руки приветливого брюнета, который шаркался и повел нас к дому. Перед моими глазами стояло лицо Глеба, и было понятно, что нужно переключиться, или я просто сойду с ума. Так что нынешний вечер оказался кстати.

Вопреки обещаниям, деревянного терема не было. Зато вдоль дороги тянулась высокая стена, которая нас весьма озадачила. Брюнет подошел к воротам, нажал на кнопку и что-то сказал. Ворота разъехались, и мы вошли внутрь.

– Пароль – отзыв, – пробормотала я. – А теперь нас проверят миноискателем.

Наталья ничего не ответила, но, судя по выражению на лице, ей это тоже не очень нравилось.

За стеной действительно стоял терем. Но поражал он не кружевными наличниками и резным высоким крылечком, а невероятно мощными стенами из толстых бревен и, скорее, напоминал крепость. Двор, как положено, пересекали дорожки, проложенные между газонами, и одна из них вела к двери. Дверь была заперта.

Сопровождающий повел нас в обход терема. Как на обратной стороне луны, там кипела жизнь. Горели костры, возле них копошились люди. Казалось, что братья-китайцы, скинув полсотни лет истории, плавят чугун, не отходя от дома. Нас подвели ближе и, оказалось, что огонь догорает под мангалами. Их было несколько, и над некоторыми уже плавал аромат шашлыков. Я успела заметить, что в тереме есть второй вход, а забор с внутренней стороны обсажен колючим кустарником вроде шиповника и малины и глаз неприступностью не смущает.

Компания была разношерстной и выглядела не совсем обычно. Дам и девиц насчитывалось немного, на них переливались шелками вечерние туалеты, сверкали украшения. Мужчины в дорогих костюмах тоже поражали своей элегантностью.

– И это называется походной формой одежды? – осведомилась я у Натальи.

Самое любопытное заключалось в том, что поверх нарядов на гостях были ватники.

– Как ты думаешь, они в массовым порядке из зоны откинулись или только туда собираются?

Наталья фыркнула. А я решила, что незатейливая рабочая одежда, скорее всего, символизирует связь элиты с землей, жизнью, простым народом и, как бы, внешне уравнивает всех, невзирая на звания и заслуги. И, разумеется, греет. В конце концов, каждый имеет право на причуды! Нам ватники не предложили, возможно, потому, что на нас были брюки, куртки и свитера.

– Надеюсь, после торжества их подарят дояркам с ближайшей фермы, – шепнула я на ухо Наталье. Та с досадой шикнула. Но ее, по-моему, тоже начала раздражать обстановка. А, главное, мы никак не могли понять сути этого балагана и своей роли в нем. Научная информация оставалась недоступной, так как ее носители бодро скользили мимо с кубками в руках.

Я вначале подумала, что старинные емкости из олова и серебра – это блажь, ну, а, кроме того, их использовать на природе просто практично. Но потом убедилась: непрозрачная посуда, притом, в незнакомой компании имеет свои преимущества, ведь и тот, кто желает напиться, и тот, кто стремится остаться трезвым, может сделать это, не привлекая внимания. Улучив момент, заглянула в один из них и обнаружила, что вместительность у посуды вдвое меньше, чем ее внешний объем. Похоже, там было двойное дно и присутствующие могли делать вид, что пьют наравне со всеми. Наверное, это касалось лишь избранных, иначе просто не имело бы смысла.

Через пару минут возле нас очутился хозяин дома. Статный, седой, с холеной внешностью он напоминал театрального актера старой выучки. Приложившись поочередно к ручке, хорошо поставленным баритоном стал витиевато представлять нас окружающему народу.

– Прошу любить и жаловать: дама, сколь привлекательная, столь блещущая умом и талантом, истинный ученый, который поразит скоро наше сообщество своими открытиями и знаниями, – и он в замысловатом па продемонстрировал под аплодисменты Наталью.

– А это, – переключился он на меня...

– Круглая дура, – подсказала я, запихивая в рот сразу несколько виноградин.

Народ хихикнул, хозяин растерялся.

– Это я к тому, чтобы научное сообщество не очень претендовало на интеллектуальное общение, – пояснила я, – у меня неполное среднее...

Хозяин не сдавался:

– Что может сравниться с прекрасной женщиной в своем...

– Собственном соку, – подсказала я снова, переключаясь на яблоко.

Я была очень раздражена, поэтому хамила непроизвольно.

Но седовласый не унимался:

– В своем природном естестве, не отягощенном язвами цивилизации, – сердито закончил он.

Народ и на этот раз заплодировал, я раскланялась, рядом кто-то тихо рассмеялся. Жаркая волна прокатилась по позвоночнику. Я оглянулась, но на меня смотрели умные веселые глаза совсем незнакомого парня. На этом шабаше чернокнижников, оказывается, попадались приличные люди! Наталью седой увлек за собой к какому-то дальнему мангалу, а мне новый знакомый передал кубок с вином, шампур и представился: Виктор!

Шашлык оказался сочным, вино отменным. После первой порции Виктор стал просвещать меня насчет гостей. Седовласый красавец, как выяснилось, являлся искусствоведам. А юбилей справлял его гость профессор Чижевский. И Виктор указал на высокого темноволосого человека с пронзительными глазами, который беседовал с двумя дамами. Ватника на нем не было.

– Почему такая несправедливость? – возмутилась я. – Все в спецодежде, а для главного действующего лица ватника пожалели!

Виктор опять рассмеялся и пояснил:

– Я здесь впервые и с обычаями незнаком. Меня пригласил мой научный руководитель профессор Шумченко. Возможно, ватники – это всего лишь прихоть. Но, если честно, то, по моим поверхностным наблюдениям, здесь ничего не делается случайно.

– Чижевский – историк?

– Психиатр.

– Хорошая профессия, особенно для здешних широт. Но причем тут история?

Виктор пожал плечами:

– Он талантливый человек, сильный гипнотизер, обладает экстрасенсорными способностями. В связи с этим, стал копать вглубь веков и тревожить тени пифий, оракулов, изучать каббалу и верования индейских племен. Ну, а, кроме того, его очень интересуют всякие чудеса и секрет воздействия искусства на психику. А хозяин – Валерий Сергеевич Пинский – искусствовед, и во многом ему помогает. Я и Шумченко – археологи. Мы работали на раскопках языческих капищ, древнейших поселений. И, такое, поверьте, видели, что нормальному человеку и вообразить невозможно!

– Вы уверены, что об этом стоит рассказывать всем подряд?

– Не уверен. Но шеф мой считает: чем больше ученых об этом знает, тем легче ломать стереотипы.

– Логично, конечно, – согласилась я. – Но мне почему-то кажется, что те, кто может использовать информацию в других целях, стереотипами не страдают. Иначе они бы ее просто не собирали.

– Кто вы? – насторожился Виктор. – И что имеете в виду?

– Любитель-историк, – раскланялась я. – И считаю, что история – очень опасная наука, если не пытаться втиснуть ее в прокрустово ложе привычных понятий. Но, скажите, здесь сегодня собрались те, кто более или менее связан с деятельностью юбиляра?

– В основном. Тот, в очках и с девицей под мышкой, – известный биолог, лысый в сером костюме – генетик, рядом с ним – профессор палеонтолог. А вон там – группа врачей.

– И действительно, все, как один, связаны с историей! – подивилась я.

– Но ведь Чижевский, прежде всего, врач, – напомнил мой собеседник.

– А дамы?

– Они, в основном, как я понял, для антуража. Чтобы мужчинам не скучно было.

– Вы не имеете в виду, надеюсь...

– Нет, нет, ну, что вы! Это жены, подруги и просто знакомые гостей. Приглашены, чтобы украсить компанию.

– Вы для первого раза удивительно много знаете! – похвалила я.

– А я наблюдательный, – скромно признался Виктор. И, клянусь, что в этот момент он меньше всего походил на археолога. Тем интереснее было с ним общаться.

Мы съели еще один шашлык пополам, и я спросила:

– А почему торжество не за длинным столом с хрусталем, белой скатертью и деликатесами? Юбиляр – романтик?

– Сомневаюсь, – хмыкнул Виктор. – Вон в том здании – и хрусталь, и столы, и деликатесы. Но идти туда не советую.

Я посмотрела в глубь сада. Приземистое строение сверкало гирляндами, обволакивающие мелодии, словно волны, докатывались до нас и странные ароматы вплетались в шашлычный дух. Чижевский во главе стайки девушек направлялся туда, и я решила, что они собираются нанести завершающие штрихи перед нашествием основной массы гостей.

Прошла четверть часа. Профессор снова появился в саду, за ним, хихикая, следовали девицы. Внешне они вели себя, вроде, как прежде, но, присмотревшись, я почувствовала, как легкий холодок засквозил на спине. Девицы были явно неадекватны. Вначале я решила, что они перепились, но потом поняла, что ошиблась. На действие наркотиков тоже не похоже. Я обернулась, взглянула на Виктора. Он внимательно наблюдал за мной. Я кивнула в сторону девушек:

– Что это с ними?

– Гипноз, – невозмутимо сказал археолог. Мне стало нехорошо.

– Да не волнуйтесь вы так, – он взял меня за руку. – И не демонстрируйте свое замешательство. Это клиенты профессора, он корректирует их психику. Они осознанно участвуют в экспериментах, а Чижевский использует результаты в научных работах.

– Это обязательно делать на дне рождения?

– Видимо, здесь есть возможность проводить массовые сеансы. Народу-то много!

– А профессор сначала спрашивает согласия пациентов участвовать в опытах, а потом гипнотизирует, или наоборот?

Виктор улыбнулся: – Вы слишком многого от меня требуете. Все эти сведения я добывал по крупицам и вряд ли смогу удовлетворить ваше любопытство полностью.

– А что мы с подругой делаем на этом странном празднике жизни?

– Это и мне хотелось бы знать, – серьезно сказал Виктор. – В любом случае, как только соберетесь покинуть торжество, я к вашим услугам!

Я поискала глазами Наталью и обнаружила среди группы научных мужей, жаждущих ее спойть. Но подруга держалась стойко и в помощи пока не нуждалась. Более того, казалось, что ей таки удастся выуживать из окружения нужную информацию для диссертации.

И вдруг я заметила у одного из мангалов своего загадочного знакомого Семена Львовича Веллера. Он глянул в мою сторону и сморщился, будто выпил уксуса. А у меня отвисла челюсть.

– Приятель? – вкрадчиво осведомился Виктор.

– Хахаль, – мрачно ответила я.

Он оценил мой юмор и доверительно сообщил:

– За вами все время следит Пинский.

Седовласый красавец лавировал между гостями в моем направлении.

– Не буду вас утомлять интеллектуальной беседой, просто хочу пригласить в дом взглянуть на картины, – и он согнул руку калачиком. Я вцепилась в нее и умоляюще посмотрела на Виктора. Тот кивнул и пошел следом, но по дороге нарвался на шефа, который задержал его. А я стала подниматься по лестнице.

В тереме на втором этаже наслаждалась живописью небольшая стайка ценителей. Я себя к ним не относила, но узнала полотна Филонова, Иванова, Серебряковой. Были это подлинники или мастерски выполненные копии, не знаю. Народ ахал, бросал восхищенные реплики, но, держу пари: среди них вряд ли можно было насчитать более троих истинных знатоков.

И вдруг я заметила приоткрытую дверь в соседнее помещение. За мной, вроде, никто не следил, и я проскользнула внутрь.

На стенах квадратной комнаты с не очень ярким светом покоились старинные иконы. Затаив дыхание, я стала разглядывать их, медленно передвигаясь по периметру зала. И вдруг столкнулась взглядом с Иисусом, осеняющим меня крестным знамением. Я замерла и внезапно почувствовала чье-то присутствие. Повернула голову: рядом со мной созерцал божественный лик Веллер. Он что-то шептал, почти не разжимая губ. Я решила, что это молитва, потом вспомнила: Семен Львович не христианин. Прислушалась: Веллер явно обращался ко мне.

– Немедленно забирайте подругу и уезжайте! – прошелестел он.

– Это еще с какой стати? – вызверилась я.

– Вы хоть поняли, куда попали?! – громко зашипел Веллер.

– На юбилей! – фыркнула я.

Семен Львович смотрел на меня с таким сожалением, словно на все сто процентов был уверен в смертельном диагнозе, но сообщать о нем не решался из-за моего кретинизма. Он вздохнул и тихо сказал:

– Вы сейчас незаметно выходите из комнаты, покидаете терем, забираете подругу и ждете меня у ворот слева. Ни в коем случае не светитесь, и не вздумайте ни с кем прощаться!

В других обстоятельствах я бы, конечно же, заупрямилась. Но тревога ледяными иглами стала покалывать мозг, едва за нами с Натальей закрылись ворота. Дальнейшие наблюдения оптимизма не добавляли.

– Но нас обещал отвезти археолог, – запротестовала я.

– А вы его хорошо знаете?

Я молчала.

– И что за мания рисковать! – укоризненно заметил Семен Львович. – Больше бы думали вначале, меньше бы страдали потом! Ну, можно ли так доверять незнакомым людям?

Я поняла, что он прав, выскользнула из дома и отправилась искать Наталью.

Народ уже веселился вовсю. Хозяин общался с рыжей дамой и заплетающимся языком твердил ей что-то о бликах света в работах Рембрандта. Я уловила на себе его мимолетный, но острый, совершенно трезвый взгляд и напряглась. Он расплылся в улыбке и сделал мне ручкой. Я оскалилась. Со стороны зрелище впечатляло.

Пинский направился ко мне, но я спряталась за спины в дупель пьяных врачей. Те спорили о коронарных сосудах, затем враз замолчали, сфокусировали на мне зрение и попытались качать, приняв за хозяйку дома.

Я трусливо бежала от их внимания и попала в центр хоровода, где лысый генетик выделял умопомрачительные коленца. Он радостно обхватил меня и заставил сплясать несколько тактов чего-то, похожего на краковяк. Я вконец обозлилась и вырвалась из ликующего круга. Пробегая мимо долговязого типа, который сосредоточенно накачивался в одиночестве, грубо толкнула его и спросила, где блондинка в брюках и куртке? Тот посмотрел на меня вполне осмысленно и молча показал вдаль. К моему удивлению, там действительно маячила Наталья. Но тип вцепился в рукав мертвой хваткой, разлил вино по кубкам и жестом предложил выпить на брудершафт. Я плюнула и выпила. Но собутыльник налил снова.

– Ты идиот или просто немой? – с досадой спросила я. Долговязый кивнул оба раза. Я оценила его объективность, отцепила от куртки и пошла напрямик к Наталье.

Там тоже не все было просто. Наталью споили. Стараясь держаться прямо, она стояла на дорожке, ведущей к зданию с белыми скатертями, и общалась с археологом Виктором. Прегравив ей путь, он крепко держал ее за руку. Археолога пытался отпихнуть Чижевский, который тянул Наталью за другую руку. Профессору помогал какой-то парнишка. Но археолог держался стойко, демонстрируя отличную физическую подготовку. Я с одобрением подумала: «Надо же, как раскопки укрепляют мышцы!»

Вино, выпитое с немой идиотом, начинало действовать. Увидев меня, Виктор обрадовался. Я дважды вильнула бедром, как в баскетболе, и разметала психиатров-историков по стонам, а заодно чуть не упала сама. Виктор подхватил нас обеих под руки и повел прочь.

– К воротам! – приказала я. – К левой стороне.

Археолог удивился, но в нужный квадрат нас доставил.

Из кустов вынырнул Веллер, негодуя посмотрел на всех и пригласил жестом следовать за ним. Вывел через какую-то калитку, замаскированную в малине, позвонил такси, и они с Виктором запахали нас в машину.

– Все оплачено, – сообщил Веллер.

– Мне проводить вас? – предложил археолог.

В Наталье проснулось буйство.

– Вот этот – наш, – показала она на Виктора, – а второй – точно из Моссад!

– Пить меньше надо! – парировал Веллер и захлопнул дверцу. Мы тронулись.

Я оглянулась. Парочка смотрела нам вслед, но вдруг, как по команде, повернулась и пошла к дому. Я успела заметить, как из ворот выбежали люди, стали жестикулировать и о чем-то их спрашивать. Те реагировали спокойно, и я поняла, что за наших кавалеров можно не волноваться.

Такси доставило нас к подъезду. Наталья спала, я полезла в сумочку за деньгами, но водитель сказал:

– Вы же слышали, все оплачено.

Я протянула купюру:

– Возьмите и запомните: вы отвезли нас к железнодорожному вокзалу.

– Что, приставали? – сочувственно спросил таксист.

– Изнасиловать хотели, да еще все вместе! – заголосила вдруг проснувшаяся Наталья. – Те двое нас насилие отбили!

– Вот пьяные скоты! – с омерзением сплюнул водитель. – А ваши спасители молодцы, особенно маленький! Все-таки есть настоящие мужики среди нас!

И я поняла, что теперь он уж точно не выдаст наши координаты.

Когда машина вырвалась со двора, я, на всякий случай, запомнила номер.

III

Утром состоялся разбор полетов. Мне было неуютно, Наталье совсем плохо.

– Я же мало пила, – удивлялась она, держась за голову.

– Так возле тебя же целый бар выставили! – напомнила я. – Мешать ром, виски, коньяк, martini, – от этого же вообще умереть можно!

– После Полторанина ничего не осталось? – жалобно простонала Наталья.

Я достала остатки мартеля, налила, Наталья схватила рюмку дрожащей рукой и выпила одним махом. Через пару минут начала приходить в себя.

– Как же я понимаю братьев-алкоголиков! – уже бодрее заявила она и снова плеснула себе коньяку. – Не опохмелишься, – не выживешь!

– Может, лучше кофе? – предложила я. – Тебе же на службу идти!

– Какой еще кофе? – возмущенно вскричала Наталья и опрокинула вторую рюмку. – А на службу идти не надо, я за свой счет десять дней взяла для работы над диссертацией.

В дверь позвонили. Я открыла и глазам не поверила: на пороге стоял Веллер.

– Извините, что по телефону не предупредил, возможно, его прослушивают, – он отгеснил меня и прошел на кухню.

– Разведка дружественной страны! – обрадовалась Наталья. – Я вас за Эйхмана уважаю!

– Красиво день начинаете, – игнорируя приветствие, отметил Веллер. – Классический вариант!

– И вам того же, – отозвалась Наталья и поставила на стол третью рюмку.

Веллер обреченно вздохнул и выпил.

– Вы что про меня таксисту сказали? – спросил он, проглотив ломтик сыра.

– А в чем дело? – удивилась я.

– Он меня домой отвозил и такими комплиментами осыпал, что я, грешным делом, решил, что уже и не вырвусь. Он что, голубой?

– Ну, что вы! – возмутилась Наталья. – Он ваше мужество оценил, поэтому окружил теплом и заботой!

– Кажется, я о себе чего-то не знаю, – насторожился гость.

– Водитель недоумевал, когда увидел, что за нами гналась толпа мужиков, – объяснила я. – Наталья сказала, что нас изнасиловать хотели, а вы спасли.

У Веллера брови поползли вверх, он покачал головой и сказал:

– Я, мадам, не святой, и зависть мне не чужда. Но никогда не предполагал, что стану завидовать женщине, у которой столь неадекватные друзья. Как же вам все-таки интересно живется!

– Принято говорить – неформатные, – поправила Наталья.

– Да какая разница! Факт заключается в том, что с такими друзьями до старости не доживаю. Одного не понимаю: неужели кто-то готов поверить, что к вам можно применить силу?

– Вот и мы удивились! – призналась Наталья. – А вы в гости или как?

– Или как, – сказал Веллер и попросил: – Сварите кофе и уберите бутылку, разговор будет долгий.

Пока готовился кофе, он спросил:

– Вы как на вчерашнее сборище попали?

Похоже, наш загадочный друг сходу пытался взять быка за рога, но я сразу же поставила его на место:

– А вам, простите, какое до этого дело?

– Ладно, – подумав, сказал Семен Львович, – давайте играть в открытую, тем более, что между нами давно уже заключен договор о сотрудничестве.

– Это когда же вы успели? – удивилась Наталья.

– Тогда пропускаем вас вперед, – заявила я, не обращая внимания на реплику, – иначе беседа начинает походиться на допрос. Прежде всего, объясните, что это за сборище? То есть, мы знаем, что праздновался юбилей ученого, но весь антураж, вместе с кубками, ватниками и загипнотизированными девицами, выглядел, минимум, странно. Или это обязательная атрибутика, о которой нам просто ничего не известно?

– Неформатная, – поддакнула Наталья.

– Вы вчера видели мировую научную элиту на отдыхе, – осторожно подбирая слова, начал Веллер. – Вследствие своего статуса, она может позволить себе некоторые странности, и даже вольности в поведении. Про девиц ничего не знаю, видно, ваш приятель оказался зорче, что же касается ватников, то в них есть определенный смысл.

Понимаете, это, вроде формы студентов Итона: неважно, из какой ты семьи и сколько денег на счету у родителей, главное, чтоходишь в элитное сообщество, о чем и свидетельствует форма. В данном случае это даже утрировано: люди с мировым именем подчеркивают, что им безразлично мнение окружающих, поскольку по своей сути отличаются от них полностью. И суть эта визуально выражается в изысканных туалетах и роскошных украшениях под ватниками, то есть, здесь важен контраст между внешней похожестью и абсолютной внутренней индивидуальностью.

– А Чижевский – действительно значительная фигура в науке? – спросила я.

– Конечно, – удивился Веллер.

– Почему же он был без ватника? И, кстати, украшений на нем я тоже не заметила?

Семен Львович одобрительно улыбнулся:

– Думаю, он, таким образом, демонстрировал, что возвышается вообще над любой суетностью!

– Но тогда получается, что речь идет о какой-то организации со степенями посвящения, вроде масонской?

– Я об этом не думал, – признался Веллер.

– И потом, – продолжала я, – если человек самореализовался и уважает себя, то к чему подобные демонстрации? Я не психолог, но мне кажется, что такой манией могут страдать только люди с комплексами, неуверенные в себе или испытывающие страх. Убей Бог, не представляю Эйнштейна при брильянтах и в поддевке!

– Не понял, – признался Семен Львович.

– Как бы вам объяснить... Идет, скажем, человек ночью по лесу и поет во все горло! Почему поет? Для уверенности, потому что страшно.

– Хотите сказать, что вчерашняя компания чего-то боится?

– Откуда я знаю? Я лишь пытаюсь размышлять. Эпатаж свойственен либо неуверенным в себе подросткам, либо людям, осознающим свою ущербность. За редким исключением вроде Сальвадора Дали. Но таким исключением не может быть большой коллектив всемирно известных ученых. А, может, у них комплекс вины?

– Считайте, что вы меня озадачили, – сказал собеседник. – А теперь ваша очередь: как вы туда попали? Сразу оговорюсь: меня это интересует, поскольку во вчерашний коллектив вы не вписывались даже внешне.

– И вам не терпится выяснить, случайно ли мы там оказались, или в нас есть нечто такое, что вы пропустили?

Семен Львович кивнул:

– Думаю, вы и сами должны это знать, поскольку на подобных мероприятиях посторонних людей не бывает, им находиться там опасно.

Наталья уже полностью оклемалась и рассказала, что пару дней назад министра посетил Чижевский в сопровождении Пинского и предложил дружить институтами, а также обмени-

ваться информацией. Потом сообщил, что во время нынешнего визита собирается отмечать юбилей на даче у друга, где соберутся ученые из многих стран. Поинтересовался каменными крестами, исцеляющими от многих болезней. Несколько крестов, по преданию, приплыли к нам когда-то против течения из Киева, а некоторые стали расти в окрестностях из-под земли недавно. Наталья немного занималась этим, и кое-что смогла рассказать. И тогда мэтр пригласил ее на торжество. Сказал: «Приходите с супругом или подругой. Вам будет интересно. Я поделюсь любопытной информацией». И обещал прислать машину. Поскольку супруг уезжал за рубеж на запланированное мероприятие, она сагитировала оттянуться в компании ученых меня.

– А министра Чижевский не приглашал? – поинтересовался Веллер.

– Нет, – удивленно сказала Наталья.

– Вам это странным не показалось?

– Да я и не думала об этом!

– А информацию ценную узнали вчера?

– Ну, какая информация может быть на пьянке? – разозлилась Наталья.

– А ехать на дачу очень хотелось?

– Вообще не хотелось, и я бы одна не поехала, несмотря на обещанную информацию.

Но Чижевский пристал, как банный лист, поэтому пришлось принять приглашение.

– Я к тому, – спокойно сказал Веллер, – что приглашали вас не для научных бесед. И не для того, чтобы за вами ухаживать.

– А для чего? – спросила задетая Наталья.

– Не обижайтесь, мадам, но ухаживания со стороны господина Чижевского в принципе невозможны. Он выше этого. Насколько знаю, он просто берет то, что хочет. Единственная его любовь – это наука. Но он почему-то пригласил именно вас и, подозреваю, был абсолютно уверен, что вы появитесь не с супругом, а со своей подругой. То есть, практически вы подтвердили то, чего я опасался: Чижевский хотел заполучить вас обеих. Для этого, видимо, и в министерство пожаловал. Единственное, что осталось выяснить, зачем вы ему понадобились?

– Может, не стоит драматизировать наше вчерашнее появление на даче? – спросила я. – Что нам могли там сделать? Убить? Это же абсурд!

– Однако вы все-таки сбежали оттуда! И знаете, почему? Да потому что почувствовали, что в компании с людьми, владеющими пси-технологиями, опаснее находиться, чем в компании с киллером! Особенно, если им не очень-то досаждают нравственные сомнения, собственные остальные научному миру.

– Хотите сказать, что вчерашняя компания стоит особняком?

– А вы у многих ученых видели бриллиантовые булавки в галстуках, золотые часы, запонки с изумрудами? А украшения на их дамах, стоящие целые состояния?

– Но это же элита!

– И для элиты существует критическая масса благополучия. Ученые – не банкиры!

Я не разбиралась в доходах ученых, но вчерашняя роскошь и впрямь впечатляла. Представители науки, которых я знала, имели машины, дома, дачи и отдыхали за рубежом. Но чтобы одаривать жен и подруг такими бриллиантовыми колье, как те, что были вчера на девицах, им пришлось бы остаться в одних плавках. А может быть даже без них.

– И еще интересный момент, – продолжал Веллер. – Как вы думаете, почему вокруг дачи возведен неприступный забор?

– Ну, мало ли! – пожала я плечами. – Чтобы картины ценные не украли!

– Вы всерьез полагаете, что картины и иконы, которые вы видели, постоянно находятся там?

– А разве нет?

– Во-первых, висят они в помещениях, для этого не предназначенных. И свет там плохой. Во-вторых, только нескольких человек пригласили взглянуть на них, да и те, я думаю, в искусстве не очень-то смыслят. То есть, хозяин не собирался хвастать коллекцией перед всеми, а выставку устроил специально для вас. Я вначале решил, что подобное невозможно, но после нашего разговора понял, что прав. Объясните же, наконец, почему вокруг вас столько шума и суеты? И отчего вас вчера так не хотели отпускать?

Он глянул на наши изумленные лица и тяжело вздохнул:

– Обещайте хотя бы подумать над этим. А я вам еще позвоню.

– А можно мы теперь будем спрашивать? – сказала я.

– Спрашивайте, – разрешил расстроенный Веллер.

– Сами-то как оказались на вечеринке?

– Мой зять поставляет из Франции вина. Чижевский сделал заказ, а я доставил. Кстати, у вашего друга отличный вкус! – кивнул он на бутылку из-под мартеля. – Он часто бывает в Париже?

Наталья закашлялась.

– Часто, – сухо сказала я и вернула его к теме. – Полагаю, не стоит спрашивать, зачем вы остались на торжестве?

Веллер кивнул.

– А почему спровадили нас?

– Из добрых побуждений и неодолимой симпатии! – он приложил руку к сердцу.

Я этот жест уже видела, и он меня не впечатлил. Но стало понятно, что сокровенным Семен Львович делиться не собирается.

– Ведь вы и сами искали повод, чтобы уйти. Разве не так? – поднял он брови. Против этого возразить было нечего.

– Откуда у вчерашней компании деньги? – в лоб спросила Наталья.

Веллер пожал плечами:

– Могу лишь догадываться! Наука и оборонная промышленность на постсоветском пространстве существуют на дотации и кредиты. С некоторых пор параллельно им возникают частные структуры. Они дублируют государственные не полностью, а разрабатывают лишь те темы, которые пользуются особым спросом. Структуры эти стремятся продать свой товар подороже, и это сразу же ставит крест на моральном аспекте. Чем сомнительнее покупатели, тем больше платят. Такие исследовательские центры не афишируют достижения и часто занимаются отраслями, которые ортодоксальная наука тупо отрицает. И, знаете, в чем парадокс? Некоторые сотрудники госучреждений, отрицающие днем целые направления, в свободное от основной службы время успешно разрабатывают их для частных структур. То есть, им «лженауку» критиковать просто выгодно.

– Но ведь таким коммерческим организациям нужен какой-то статус? – напомнила я. – Не в подполье же они функционируют?

– Да мало ли у нас частных клиник, аптек, предприятий, каких-то обучающих центров, где параллельно с основной деятельностью можно испытывать и производить все, что угодно! Да и в легальных НИИ можно скрытно вести исследования.

– А за рубежом?

– А что за рубежом? Там больше ученым платят, но это не значит, что всем хватает. Кроме того, именно за рубежом образовался узкий банкирский круг, сосредоточивший в своих руках огромные средства. Только наивные бабушки думают, что глав государств и правительства выбирают граждане! В них с выгодой вкладываются деньги, и вы это прекрасно знаете. А кроме политики, деньги вкладываются в экономику, войны, космос и так далее. Но наука – наиболее перспективная область, поскольку дает возможность не только использовать новейшие танки, но и управлять природой, а, главное, людьми.

– А почему бы банкирам не развивать официальную науку в своих странах? – предложила Наталья.

– А на кой им это надо, мадам? Применение достижений официальной науки контролирует общество. И вложения в нее, кстати, тоже. По крайней мере, пытается это делать. Поэтому основные инвестиции в мире не афишируются, и для них нет государственных границ. А население – это всего лишь публика, которая видит то, что ей показывают со сцены. Истинный механизм находится за кулисами. И стоит режиссеру приказать чуть-чуть изменить свет, как действие, которое воспринималось с ужасом, станет вызывать смех.

– Какими темами занимаются вчерашние ученые? – поинтересовалась я.

– Ну, откуда мне знать? – удивился Веллер. – Слышал, что Чижевский полез в исторические глубины. А еще изучает воздействие икон на подсознание. Чудотворных икон, как я понял. Если механизм чуда разгадать нереально, то влияние его на психику, наверное, можно. Чижевский даже в Житовичский монастырь с Липкиным ездил.

– С кем?

– С генетиком Липкиным. Тот волновой генетикой занимается. Может, слышали о лечении, когда вместо оперативного вмешательства используют излучение здоровых органов?

Веллер взглянул на часы, на наши вытянутые лица и с досадой объяснил:

– Каждый орган вибрирует со своей частотой, то есть, посылает определенную информацию. И с помощью вибраций здорового органа можно скорректировать работу больного. Этот же метод реально использовать в производстве гибридов, трансгенных продуктов, облучая то или иное растение генетической информацией какого-то другого растения или существа.

– Ужас! – воскликнула Наталья. – Вот так живешь себе и не знаешь, что тебя облучают генетическим материалом какого-то монстра!

В глазах Веллера мелькнул огонек: – О чем это вы?

– Да так, эмоции, – спохватилась Наталья.

Семен Львович стал прощаться:

– Надеюсь, вы убедились, что я полностью открыт для вас?

Мы дружно закивали.

– Очень хотелось бы, чтобы наше сотрудничество продолжалось. Если возникнут соображения или догадки, звоните! – и Веллер положил на стол визитку, где значились лишь имя, фамилия и телефон.

Мы обещали.

– Последний вопрос, – попросила я, – как вы нас вычислили?

– Таксист рассказал, – удивился Веллер.

– Сдал таки, несмотря на бабки!

Семен Львович рассмеялся:

– Он же координаты не насильникам слил, а герою спасителю! А, вообще, врать меньше надо, особенно без нужды!

За гостем захлопнулась дверь и Наталья спросила:

– Мне показалось, или мы действительно облапошили этого хитроумного типа?

– Не показалось, – сказала я, – но он не столько хитрый, сколько наивный, поскольку все время недооценивает нас из-за мужского шовинизма.

– Так пусть же сам от него и страдает! – мстительно заявила Наталья. – Хотя информации он подкинул много, не получив ничего взамен.

– Ты даже не представляешь, насколько она полезна, – задумчиво протянула я. – Кстати, почетное место на дачном вернисаже отведено иконе кисти Стасевича, которую он написал уже после смерти! Похоже, мне ее действительно показали нарочно. Вот только процесс восприятия наши неожиданные кавалеры прервали на самом пике, а это значит, что мы со вчераш-

ними ребятами еще встретимся. Они же, как я понимаю, весь балаган с определенной целью устроили? А цель-то по-прежнему не достигнута!

IV

Следующий день был понедельник. Наталья, ночевавшая у меня, взяла такси и поехала на вокзал, а я села в троллейбус и отправилась в редакцию.

За ночь похолодало. В утренних сумерках под светом фар вспыхивали тонкие льдинки на тротуаре. Я смотрела в окошко на прорисовывающиеся силуэты зданий. Они затягивались зеленоватым морозным узором, я дышала на него, и линии превращались в воду. А потом струйки снова сплетались в затейливом кружеве, и оно застывало.

Мне надоело растапливать лед дыханием. Я сняла перчатку и принялась счищать его пальцами. Указательным прикоснулась к окошку, чтобы появилась проталинка. Стекло стало мягко продавливаться наружу и плавиться. Я продолжала тихонько нажимать, и под пальцем образовалась воронка, затянутая тончайшей стеклянной пленкой.

Вдруг сбоку раздался странный звук. Я вздрогнула, убрала от окна руку, глянула влево: на стекло с ужасом смотрела тетка, сидевшая рядом. Она перевела взгляд на меня, раскрыла рот, и тут я пришла в себя. Натянула перчатку, извинилась и, лавируя между людьми, поспешила к выходу. Напоследок взглянула на окно: там образовался большой стеклянный волдырь. Когда соскакивала на тротуар, тетка со слоновьим отчаяньем затрубила:

– Пришельцы!!

Пассажиры кинулись к окнам, чтобы узреть зеленых человечков. Тетка, разинув рот, тыкала пальцем в стекло и показывала на меня. Я отвернулась. Троллейбус ушел. У меня кружилась голова. Плоскости домов прогибались, оттенки стирались. Я старалась глубоко дышать. Подошел какой-то мужчина, тронул за руку, участливо спросил:

– Вам плохо?

Я посмотрела ему в глаза. В них мелькнул ужас. Мужчина схватился за горло и побежал прочь, все время оглядываясь. «Да пошли вы к черту!» – беззлобно подумала я.

Какой-то парень стоял за газетным киоском и, пряча лицо, наблюдал за мной. Мне показалось, что это археолог Виктор. «Да пошли вы все к черту!» – тоскливо сказала я вслух и двинулась пешком в редакцию. Слава Богу, что на земле был хоть кто-то, кому я могла довериться.

– Привет! – бодро сказал Борька, когда я вошла. – Как поболела?

Я пожала плечами. Он внимательно посмотрел на меня:

– Что случилось? Где Штирлиц?

В голосе звучала тревога.

– Уехал, – вяло сказала я.

– Поссорились?

– Да нет, у нас с ним все в порядке. Шантер здесь?

– Сейчас появится.

Появился Шантер и с интересом уставился на меня. Потом раскрыл рот, но Борька нахмурил брови, и Шантер рот захлопнул. Он сгорал от любопытства по поводу моих отношений с Глебом: Полторанин произвел на него неизгладимое впечатление.

– Ребята, – сказала я, – у меня важные новости.

И в подробностях рассказала обо всем, что произошло за два дня.

Такой лавины информации коллектив не ожидал, и, внимательно выслушав меня, осыпал вопросами.

Я отвечала, а сама все поглядывала на монитор Ромкиного компьютера, куда были завезены снимки Ферзя. Что-то меня в них смущало. Потом отвлеклась, и мы стали анализировать события. Все они вели в Житовичи. Именно там Ферзь оставил машину, в монастыре, судя по всему, жил и творил Стасевич, Житовичи зачем-то посетили ученые, с которыми нас случайно свела судьба. И всех их связывали иконы Стасевича. Я видела две из них.

- Ты действительно уверена, что их писал Алексей? – серьезно спросил Жуков.
- Абсолютно, – кивнула я. – Одною и ты любовался на хуторе.

Но если в первый раз мы наткнулись на икону случайно, то во второй мне ее все-таки показали нарочно. Зачем? Хотели проверить реакцию, чтобы выяснить, знаю ли я, что Стасевич жив? Но тогда в помещении должна была вестись съемка.

– А вдруг там установлена техника, контролирующая кровяное давление, пульс и так далее? – предположил Ромка. – Тогда элементарно проследить за реакцией!

Я пожалала плечами:

– После общения с Веллером можно поверить во что угодно!

– Стоп! – сказал Шантер. – А почему мы забываем, что вечер должен был продолжаться? Вас же с Натальей домой отправили раньше, чем предполагалось? Так что, возможно, Чижевский лично, используя профессиональные манипуляции, хотел вывести у тебя необходимую информацию. Наталью же пригласили в летний домик, чтобы туда же направилась ты, а дальше – гипноз, и все нужные сведения у него в кармане! И вы даже не вспомните, что случилось!

– Да какие сведения-то? – остудила я его пыл. – Мои подтверждения, что икону писал Стасевич? Так они и сами об этом знают. И зачем им моя реакция? Какая разница, впервые я вижу икону или нет? В любом случае могу искренне удивиться! И потом: я не искусствовед и имею право не догадываться о том, кто ее написал. Тем более, что Стасевич, по общему убеждению, мертв.

– Да, здесь что-то не так, – вздохнул Ромка. – А, может, им сам Алексей нужен? И они думают, что ты можешь на него вывести?

– А зачем он им? – возразила я. – Портреты свои заказывать?

– По-моему, все гораздо сложнее, – задумчиво произнес Жуков. – Если твой друг Веллер прав и громоздкая, хитроумная комбинация с посещением министерства, приглашением на дачу и выставкой замышлялась в расчете на вас, то речь должна идти о чем-то очень серьезном.

– А, может, попробуем объединить события? – предложил Шантер. – Думаю, икону на хуторе вы увидели не случайно. Ты сама, Зинаида, всегда повторяешь, что случайность – всего лишь непознанная закономерность. Нарочно ли вывел цыган вас к иконе или это была судьба, – неважно, главное, мы узнали, что Алексей жив. Потом оказалось, что иконы нужны и Ферзю. А это – сигнал о том, что о Стасевиче знают многие. А теперь маньяки-ученые хотят его выкрасть. Может, для опытов и экспериментов?

Смелый полет Ромкиной мысли привел нас в восторг. Но, подумав, мы поняли: зерна логики в ней все-таки есть. Тем не менее, впереди замаячил тупик, и нужна была информация, чтобы выбраться из него. Мы ею не располагали. Единственный штрих, который смогла я добавить к общей картине, – это реакция Полторанина на фамилию Чижевский.

– А подробнее он ничего не рассказывал? – спросил Жуков. Я отрицательно покачала головой.

– Что ж, будем ждать, – вздохнул Жуков. – Авось, что-нибудь да проклюнется!

И мы занялись рутиной. Борька отправился к шефу включаться в общее руководство, я села за очередной материал о Житовичах, Шантер взялся творчески переосмысливать снимки.

По просьбе Ферзя журнал опубликовал два очерка об истории монастыря и замка Ляшевских. В них живописалась природа, и рассказывалось о привидениях. В роли призраков маячили на фотографии зловещие размытые черные фигуры. Материалы намекали, что экологами следовало бы заняться обследованием широт, где могут проходить туристские тропы. Население недомогает, скот болеет, а общественные и официальные организации и ухом не ведут! Под потрясающими пейзажами поставили снимок с художественно разбросанными по природе

беспомощными телами, который Ромка выклянчил у бывшего одноклассника Пети. Тела принадлежали жертвам неистового пикника и были коварно сняты трезвым и озлобленным Петей, которому надлежало их развозить по домам. Рядом без подписи, но с намеком поместили фото массового падежа скота в одной из африканских стран.

В общем, нам удалось засветить Житовичи и привлечь к ним внимание граждан и официальных лиц. Это должно было умерить наглость черных сил, шастающих в руинах, насторожить их хозяев и хотя бы немного обезопасить пребывание Стасевича в монастыре. То, что его пытаются вычислить, сомнений не вызывало и ничего хорошего не сулило.

Сегодняшний материал сосредоточивал внимание на доходах, которые мог бы давать в этих местах туризм. Специалист из министерства рассказывал, что нужно создать соответствующую инфраструктуру, и было бы замечательно найти инвесторов для реконструкции замка. Я от себя добавляла, что руины следует взять под охрану, так как их продолжает загаживать всякий сомнительный люд. Рядом должна была стать фотография: черные фигуры, маячащие среди битого кирпича, и какая-то труба рядом с ними. Создавалось впечатление, что бомжи собирают последний металлолом в руинах княжеского замка, от которого через пару недель вообще ничего не останется.

Снимки Ферзя мы подверстывали ко всем публикациям, но предварительно Ромка их так обрабатывал на компьютере, что вычислить авторство было почти невозможно.

Итак, почву для скандала мы подготовили, и партнеры Ферзя должны были это сразу понять.

– Поди-ка сюда! – позвал вдруг Шантер. Я подошла.

– Глянь! – кивнул он на монитор. Я глянула.

– Видишь?

– Не вижу, – призналась я.

– Неужели не замечаешь странностей? – удивился Ромка. Он всерьез занялся фотографией и демонстрировал успехи. Я внимательнее посмотрела на монитор: в изображениях было что-то знакомое. Причем, ощущение это возникло с самого первого раза, просто я не заостряла на нем внимания. Но сейчас мое телевизионное прошлое категорически заявило: кадры выстроены!

– Ну-ка, набери Жукова! – попросила я.

Примчался Борька.

– Смотри, – сказал Ромка, – композиция кадров такова, что они просто не могут быть случайными.

И принялся объяснять. Жуков внимательно слушал.

Особенно искусно был сделан снимок с аппаратом, похожим на пушку. Быстро и скрытно нащелкать таких фотографий невозможно. Очевидно, что черные фигуры не только видели фотографа, но и специально позировали, причем, обе стороны располагались в максимально удобных для съемки и, видимо, заранее оговоренных местах.

Борька выслушал Шантера и вопросительно взглянул на меня. Я кивнула.

– Что же получается? – растерянно произнес он. – Нас провели?

Ромка пожал плечами:

– С большой натяжкой можно предположить, что Ферзь, снимая то, что ему показывали, предполагал, что делает это скрытно.

– Нереально, – вмешалась я, – и ты прекрасно об этом знаешь.

– Но ведь качество снимков не очень хорошее, – цеплялся за последнюю надежду Жуков.

– Просто Ферзь неопытный фотограф и не умеет работать со светом, – устало сказала я. – А, может, это подстроено специально, чтобы мы ничего не могли заподозрить.

Все долго молчали. Потом Жуков растерянно спросил:

– А что с материалом твоим делать?

– Как что? – удивилась я. – Печатать, конечно! Не стоит показывать, что мы догадались. Тем более, что, в сущности, нам по-прежнему ничего не известно. Так что давайте соблюдать условленные правила игры.

– Ладно, – хлопнул ладонью по столу Жуков и подмигнул Ромке. – А тебе, корифей, медаль и пломбир за бдительность!

– Погоди, – остановила я, – давайте линию поведения выберем. Но прежде, в свете последнего открытия, попробуем хотя бы известные факты разложить по полкам.

Борька приложил палец к губам и кивком показал на Шантера. Тот, уставившись на монитор, пребывал в ступоре. Я пожала плечами. Потом подошла к нему и дотронулась до руки.

Ромка вздрогнул и безучастно сказал:

– Моя жизнь после лета изменилась настолько, что, по-моему, уже и не принадлежит мне. Убийства, монстры, живые валуны... То меня похищают, то вас хотят убить. Умершие художники рисуют иконы, научная секта гипнотизирует население. У Зинаиды роман не с нормальным мужиком, а с каким-то суперсолдатом. Зинаида, он же не человек, он призрак: то появляется, то исчезает... На самом же деле его нет, неужели не понимаешь? Мы превращаемся в мутантов и скоро сами себя не узнаем. А самое страшное – это какой-то планетарный заговор против нас троих. Ну, кому мы, на фиг, нужны, чтобы плести вокруг такую хитрую паутину? Что мы знаем? Почему так интересуем людей, с которыми никогда до этого не пересекались? А тут еще Ферзь! Я же ему так верил!

– Врешь ты все, – спокойно сказал Жуков. – И Ферзю ты не верил, и от ситуации кайф ловишь. Единственное, что тебя пугает, – это изменения, которые происходят с тобой, и абсолютная неясность общей картины. Да, все запутано, но иначе было бы неинтересно жить. А представляешь, как будет здорово, если паутину удастся распутать? Это же эксклюзив, уникальнейший материал, который сам падает с неба! А то, что меняемся, так не к худшему же. Девушки по парням-паукам млеют, так что пользуйся случаем! Да и умственный потенциал у тебя повысился, уж поверь на слово. Ты у нас сейчас главным аналитиком будешь, поэтому излагай соображения о Ферзе!

Ромка взбодрился, подумал и признался, что сказать ему нечего. И тогда слово взяла я:

– С Ферзем вообще ничего не понятно. Зачем понадобилось придумывать идиотскую историю с машиной? Чтобы выйти на Алексея? Ну, нашли мы «шестерку», а дальше что? Это ж не повод идти в монастырь по душу Стасевича! Из-за болезни жены он сам мог проникнуть туда гораздо быстрее.

– Плохо, что мы лишь формально проверили липовых партнеров Ферзя, – сказал Жуков. – Установили, что есть такая фирма, и решили разобраться позже. А надо было хоть какую-то дополнительную информацию через наших знакомых в УБЭП раздобыть.

Он был прав, информации не хватало. После встречи с Ферзем в надежде найти Куницына, гонявшегося за монстром и полотнами Стасевича, а заодно пытавшегося убить меня, мы чересчур много времени уделили сыскному агентству «Фобос». Хозяин его оказался жуликом и альбиносом, но, к сожалению, не бывшим учредителем нашего журнала. Им сейчас занимался Красин.

На след бывшего следователя Хоменкова, переметнувшегося в стан неприятеля, тоже выйти не удалось, хотя мы очень старались, и тоже угробили на поиски уйму сил. И вот теперь пожинали плоды собственной не дальновидности.

Но оправдание все же было: история, в которую мы угодили, состояла из тысяч разрозненных фрагментов и распадалась на тысячи ответвлений, которые невозможно было ни проследить, ни проанализировать. Нас было всего трое, и у нас для этого не хватало ни сил, ни времени, ни мозгов. Но выходить из игры было поздно, это означало бы смерть.

Самое скверное, что все было запутано и на официальной стороне. О судьбе Куницына не мог узнать даже Красин: тот словно растворился в воздухе без следа. И вообще было непо-

нятно, жив он или все-таки мертв после выстрела Глеба? По делу о летних убийствах обвинялись четверо его подельников, двое из которых по естественным причинам уже скончались в СИЗО. Красин был уверен, что оставшаяся парочка до суда тоже не дотянет. Но ни он, ни мы понятия не имели, что бы все это значило.

Похоже, что дело, начинающееся, как забавная шутка о мифическом монстре, превращалась в реальный триллер. И мы могли выжить, только распутав его. В общем, хуже быть уже не могло.

– Логика Ферзя все равно пока не поймем, – сказала я, – поэтому давайте попробуем с конца. Чего он добился в результате разыгранного спектакля?

Ребята переглянулись.

– Стал учредителем нашего журнала, – растерянно сказал Ромка.

– Так, может, это и было его целью?

– Тогда в действиях Ферзя прослеживается система, – согласился Шантер. – Правда, дурацкая по своему построению. Зачем-то он долго обхаживал меня, пытаясь втянуть в поиски машины, зацепил нас приличной суммой денег, и лишь тогда попал в дамки. Неужели нельзя было найти более простой путь? И означает ли это, что бывшие хозяева журнала по-прежнему им владеют, только уже через Ферзя? Или это другие люди? И на кой им журнал? Опять кодировать население и искать ценную информацию в печатном мусоре? Но к чему были нужны такие сложности?

– Главный вопрос заключается в том, зачем они с самого начала охотятся за Стасевичем? – заметила я.

– Да кто они-то? – жалобно спросил Ромка.

– А вот это уже второй вопрос.

– А третий: почему они и за нами стали охотиться? – подсказал Ромка. – Помнишь фразу Хоменкова: «Скажи спасибо, что не тебя выбрали, а Шантера!» Значит, им нужен был любой из нас, просто со мной хлопот меньше.

– Была такая фраза? – встревожился Жуков. Я кивнула.

– Это еще не хватало! – пробормотал он. – Похоже, мы себя недооцениваем.

В разговорах, мы, порой, шутили на эту тему. Но полагать, что кого-то интересуем вне сферы своей профессиональной деятельности, нам и в головы не приходило.

– И все-таки с Ферзем что-то нечисто, – сказала я, – и вы сами это чувствуете. Ромка прав: если он стремился стать учредителем, то почему просто не предложил свою кандидатуру?

– Кредит доверия не тот, – объяснил Жуков, – да и мы, обжегшись однажды, проверять бы его стали.

– Пожалуй, – кивнула я, – но тогда комбинация, которую нам предложили, не дурацкая, ее составляли очень умные люди. Даже гениальные, потому что сумели точно просчитать нашу реакцию на свое самое незначительное действие.

– Гениальные психологи, – уточнил Жуков.

Мы переглянулись. Шантер поблел.

Зачирикал сотовый. Номер не определился. У меня замерло сердце.

– Ева, – раздался издали голос Глеба, – ребята рядом? Включи громкость!

Я включила.

– Слушайте внимательно, – продолжал Полторанин, – будьте очень осторожны! Все время поддерживайте связь между собой и не упускайте друг друга из вида. В Вишневке не показывайтесь, силовикам не доверяйте, кроме самых проверенных и близких знакомых. А лучше всего бросьте свои авантюры и займитесь мирным трудом!

– Тогда нас точно кончат, – пробормотала я.

– Может быть, – согласился Глеб, – значит, просто будьте осторожны! Ева, никакого общения с Чижевским и его окружением!

– Поздно, – сказала я, – уже пообщалась.

– И что?!

– Ничего.

– Значит, впредь избегай общения!

– Слушай, генерал, – не выдержала я, – можешь считать, что уже напугал нас. А теперь попробуй хоть что-то конкретное сообщить.

– Кроме всего прочего, охота может вестись и на вас.

– Но почему?!

– По кочану! Сами соображайте! Меньше светиться надо в дурацких историях с полетами автомобилей! А теперь выключи громкость.

Я выключила.

– Думаю о тебе каждую секунду. Береги себя! Если опять куда-нибудь влезешь, и с тобой что-то случится, приеду и убью собственными руками!

На этой оптимистической ноте Глеб отключился. Мы молчали. Потом Ромка с надеждой спросил:

– Может, это ошибка? Ну, какой от нас вред?

Я налила воды из графина, выпила. Ребята не сводили глаз с пустого стакана: стекло под моими пальцами плавилось.

V

Несколько дней прошли в творческом экстазе: мы старались придать изданию новый облик, и это, похоже, удавалось. А потом наступила пауза, и Жуков собрал нас на военный совет.

– На повестке дня остается собственная безопасность, так что пора выходить на новый виток расследования, – призвал он, – а для начала попробовать разобраться хотя бы с Ферзем.

В суете мы, порой, вспоминали о коммерсанте и никак не могли поверить, что так легко купились на его рассказы.

Ну, не странно ли, в самом деле, что опытный бизнесмен расставался с наличными, довольствуясь липовыми отчетами случайных партнеров по туристическому бизнесу, и не пытаясь проверить ход реставрационных работ? Или хотя бы поручить это доверенному лицу? Тем более, что руины замка находились рядом с известным монастырем, и халтура была просто недопустима!

Но гораздо больше нас беспокоило другое: Ферзь казался искренним, по крайней мере, верящим в собственные слова, а интуиции мы доверяли.

– Что же получается? – развел Ромка руками. – Он врет и сам верит в свою ложь? И как это называется?

Но мы уже поняли, как это называется, и по спине у меня пробежал неприятный холодок.

– Интересно, замешан ли в истории с Ферзем его адвокат? – задумчиво спросил Борька. – А если нет, что он вообще знает?

Я завершила прения:

– Господин Иоффе – профи, и это главная причина, по которой он не станет мараться. Возможен, конечно, шантаж со стороны неприятеля, но вряд ли наш новый знакомый представит для этого повод. Он осмотрителен, в подборе клиентов разборчив, поскольку может себе это позволить, а, значит, Ферзь не должен быть ему безразличен. Думаю, надо связаться с адвокатом.

И позвонила Илье Ивановичу. Тот сообщил, что Ферзь в отъезде и уже несколько дней от него ни слуху, ни духу. Но это нормально, так как жена лечится, а он отдыхает.

Наступила долгая пауза, адвокат поинтересовался:

– Вы о чем-то хотели спросить?

– А вы сами ничего нам сказать не хотите? – осведомилась я.

Адвокат был умен.

– Приезжайте, – коротко бросил он. И, усмехнувшись, добавил:

– Все-таки я верно оценил вас при нашем знакомстве!

Через полчаса мы были у адвоката. На сей раз он угостил нас обещанным кофе, и тот был действительно выше всяких похвал!

– Илья Иванович, – сказал Борька, – нас беспокоят некоторые аспекты взаимоотношений с вашим клиентом. Прежде всего, мы не уверены в его искренности.

Жуков кривил душой, но адвоката надо было зацепить. А затем Борька изложил наши соображения. Адвокат внимательно выслушал и неожиданно изрек:

– Можете не верить, но с некоторых пор у меня тоже вызывают недоумение и даже опасения поступки моего клиента. Более того, похоже, что и характер у него стал меняться!

– С чего вы взяли? – насторожился Жуков.

– Так я его знаю пятнадцать лет, – пожал плечами господин Иоффе, – и могу делать выводы!

– Все мы меняемся с возрастом, – заметила я.

– Не тот случай, – возразил адвокат. – Мой уважаемый клиент стал нелогичен и непредсказуем в своих поступках. Он не должен быть полностью откровенным: бизнес есть бизнес, и какую-то информацию нужно держать при себе. Но есть ситуации, выход из которых обязаны находить профессионалы. Им за это платят. А если клиент сам решил разобраться, то окружение должно получить хотя бы минимум сведений о том, что происходит. Это необходимо для подстраховки. А сейчас о многих его действиях никто не имеет ни малейшего представления! Он внезапно исчезает и так же внезапно появляется, ничем не объясняя своего отсутствия. Но меня беспокоит другое: доброжелательный уравновешенный воспитанный человек вдруг стал нервным и суетливым. Он всегда был дальновиден, а сейчас не уверен в своих решениях, сомневается, тянет, теряет деньги. И мне кажется, эта метаморфоза беспокоит его не меньше, чем окружающих, но он просто не может с собой справиться.

– Может, наркотики? – предположил Борька.

– Исключено, – твердо сказал адвокат. – Неужели вы полагаете, что в зрелом возрасте умный, успешный и сильный человек станет наркоманом?

– По своей воле – вряд ли, – заметила я. – Ну, а если болезнь жены подкосила его, а кто из доброхотов, оказавшихся рядом, предложил препарат, заглушающий душевную боль?

Адвокат покачал головой:

– Сомневаюсь! Арсений Львович из категории людей, которые с детства приучены отвергать угощения незнакомых дядей. Но я не имею права перемывать косточки своему клиенту, и согласился на встречу лишь потому, что он вам доверяет. А, кроме того, меня самого беспокоят события, происходящие в последнее время, и мне не с кем их обсудить. Надеюсь, вы не станете использовать услышанное здесь во вред Арсению Львовичу? Поскольку моя профессия, как и ваша, требует определенных этических рамок, задавайте вопросы, а я постараюсь ответить, не слишком выходя за них.

– Расскажите подробнее, что это за фирма, которая его кинула? – спросил Жуков.

– Называется «Око», существует более пятнадцати лет.

– Странное название для архитектурных излишеств, – удивилась я. – Когда мы наводили справки, фигурировал другой брэнд.

– Фирма имеет разветвленный бизнес в самых различных сферах, – пояснил адвокат. – Есть у нее, в частности, маленькое производство, где виртуозно шлифуют линзы для очков и какой-то аппаратуры. Отсюда, видимо, и общее название. А вы копались в каком-то ее отсеке, упомянутом в договоре.

– А при шлифующем производстве, наверное, аптека, врачи-офтальмологи? – подсказала я.

– Не знаю, – честно признался адвокат. – Там все время что-то меняется и расширяется. Только архитектурой фирма не занимается. Одно из бурно развивающихся направлений в ней – туризм, а уж под него «Око» заключает контракты с реставрационными и строительными структурами.

– Структурами или структурой? – встрял бдительный Шантер.

– По моей информации, – структурой, но на проведение тщательного расследования клиент распоряжений пока не давал.

– Мы наводили о ней справки, – сказал Борька. – Скорее всего, это дочернее предприятие, оформленное на подставных лиц.

– Вполне вероятно, – согласился Иоффе.

– А чем еще занимается «Око»?

Адвокат понимал, что у нас нет времени копаться в мелочах, поэтому искренне старался помочь:

– Сауны, солярии, психологическая реабилитация бизнесменов после трудов праведных. Мы слушали с возрастающим интересом.

– А еще несколько заправок и станций техобслуживания, – продолжал адвокат. – Именно с них начиналась фирма, и они заложили основу туристического бизнеса: восстанавливались добитые, купленные по дешевке автобусы, которые проще было использовать, чем продать. Тогда же создавал свое дело и мой клиент.

– Вы хотите сказать, что Арсений Львович уже в то время пользовался услугами начинающей фирмы? – уточнила я. Адвокат кивнул.

– И они обслуживали его легендарную «шестерку»?

Адвокат снова кивнул:

– А в чем, собственно, дело? Что вас смущает?

– Видите ли, – тщательно подбирая слова, принялась объяснять я, – выяснилось, что снимки в Житовичах сделаны не случайно. Арсению Львовичу явно позировали. Знал ли он об этом, – сказать трудно. Но если машину его действительно искали, а не морочили нам головы, то только не из-за фотографий!

Адвокат ошеломленно спросил:

– А из-за чего же?

– Это мы и сами хотели бы знать! Кстати, ваш клиент не рассказывал, где он был во время последнего исчезновения?

– Объяснил, что встретил знакомого, и тот пригласил его на дачу.

Мы насторожились.

– А где дача знакомого? – поинтересовался Жуков.

– По-моему, в Сосновке.

– А кто по профессии хозяин дачи? И находились ли там еще какие-нибудь люди?

– Знакомый – искусствовед, а на даче отдыхала компания его друзей – ученых.

Мы переглянулись: ни в случайности, ни в совпадения никто из нас не верил. Адвокат перевел встревоженный взгляд с меня на Борьку и поинтересовался:

– Это что-то означает? И что теперь делать?

– Приложите максимум усилий, чтобы клиент ваш как можно дольше не появлялся в стране. И, разумеется, не раскрывайте его координаты, – посоветовал Борька. – А мы будем держать вас в курсе всего, что сумеем нарыть.

Мы поднялись и стали прощаться. Обмениваясь с Жуковым рукопожатием, адвокат с любопытством спросил:

– А что это за история с летающим фордом?

Борька вздрогнул и хмуро сказал:

– Досужий вымысел наших коллег.

– Ну-ну, – протянул господин Иоффе.

И, распахивая передо мной дверь, спохватился:

– Чуть не забыл! Фирма «Око» занимается благотворительностью. В Житовичах, например, оборудовала приют для бездомных и приглашает туда за свой счет первоклассных консультантов! Хотя вряд ли вам это пригодится.

От неожиданности я споткнулась и, если бы не Борька, рухнула бы в лестничный пролет. Адвокат удивился, помедлил и с озадаченным видом осторожно прикрыл за собой дверь.

На улице было холодно. Я нырнула в машину, а Борька еще несколько минут благословлял Шантера на свидание с блондинкой Катей.

– Чего так долго? – спросила я, когда он устроился на водительском сиденье. Жуков веселился:

– Тебе знать не обязательно, это наши с Ромкой мужские секреты! А, если честно, я думал, что в любовных делах он более искушен.

Боря, – с ужасом сказала я, – надеюсь, ты не вывалил на него весь свой жизненный опыт?

– Это за пару минут-то? – саркастически заметил Жуков и включил зажигание.

Защебетал мой сотовый.

– Зинаида, – забасил друг и коллега Стасевича Соломон, – сто лет тебя не слышал! Куда пропала? Может, появишься? Пообщаться надо!

Мы действительно не виделись с лета, и я сказала:

– Могу заехать прямо сейчас. Ты где, на Садовой?

– Приезжай в мастерскую к Федору, чаем напоим!

На общественном транспорте тащиться к художникам не хотелось, и я стала подлизываться к Борьке. Тот оказал вялое сопротивление, потом согласился:

– Ладно, а поесть у них найдется?

Заехали в магазин, купили сыра, сухариков и через полчаса были в Старом городе.

Особняк терялся в осенних сумерках, и лишь несколько освещенных окон указывали верное направление.

Борька набрал код, мы поднялись по скрипучей лестнице, и удушливая волна тропических ароматов окутала нас: джунгли в прихожей радовали летней неувядаемостью.

В мастерской пахло воском и травами, на плите закипал чайник. Мужики в очередной раз бросили пить, чистили организмы травяными настоями, и вид имели благообразный, а лица – праведные и постные, с легким налетом законной скорби.

– Зеленый, как ты предпочитаешь, – расшаркался Соломон, подавая мне кружку с чаем. – Федя, ребята твои любимые сухарики с орехами принесли!

Появился из закутка Федор, поздоровался и сел за стол.

– Ты чего там копался? – не выдержала я.

– Кое-что потом покажу, – пообещал он и завел светскую беседу о вернисажах.

Попили чаю с бутербродами, полакомились сухариками и медом.

– С дедовой пасеки, – похвастался Соломон, любуясь тонкой янтарной струйкой, тянущейся, как паутинка, с ложки, и тающей в глубине керамической кружки.

Я знала, что дедом они величали старого художника Андреича, отринувшего городские пороки и поселившегося на хуторе.

«Прильнул к истокам», – говаривали ребята. Истоки оказались щедрыми: дед регулярно снабжал городских коллег дарами лесов, садов и огородов, среди которых почетное место занимали мед и целебные травы. Но самое любопытное заключалось в том, что Андреич, обретавшийся вдали от язв цивилизации, знал абсолютно все, что делалось в мире. И сейчас, как я поняла, общение с ним тоже не ограничилось пополнением медовых запасов. Именно поэтому Соломон и позвонил мне.

После чайной церемонии Федор исчез за шкафом и появился с несколькими полотнами. Я решила, что это новые работы деда, который от парадных портретов резко перешел к воспеванию матушки-природы, но нас ожидал сюрприз. На картинах мы сразу узнали Житовичи.

На одной был изображен княжеский замок. Сквозь призрачную красоту слегка изломанных плоскостей проступали будущие руины, удлинённая женская фигура в черном казалась почти бесплотной, и серым смазанным языком касалось ее ступней полчище крыс. А вел их, почти сливаясь с фоном, человек в длинном темном плаще с капюшоном и флейтой. В профиле угадывались черты Чижевского.

На втором полотне волны желтого тростника разбивались о монастырские стены, и тяжелые тучи, сталкиваясь и клубясь, отбрасывали на древние камни мрачную тень. Лишь тонкий солнечный луч, скользнувший между ними, сиял на поверхности колоколов и золотил волосы звонаря в монашеском одеянии, выбивающиеся, как нимб, из-под скуфы.

На третьей картине длинное желтое здание в лучах заходящего солнца приобретало тревожный багровый оттенок. В раскрытых окнах маячили бледные лица и какие-то исковерканные тела. А у крыльца стоял вороной конь, запряженный в длинный зловеющий экипаж. Экипаж

смахивал на катафалк, на козлах восседала тщедушная фигура в черном цилиндре и фраке. Бледное лицо, несомненно, принадлежало Куницыну.

В авторстве работ можно было не сомневаться: все они принадлежали кисти Стасевича, хотя и полностью отличались от всего, сделанного им до сих пор. Но я этому почему-то не удивилась. У Борьки же вид был ошарашенный.

– Чижевский! – кивнула я на первое полотно. И лицо у него окончательно вытянулось.

– Горазды вы на сюрпризы, ребята, – сказала я, обращаясь к художникам. – Что бы все это значило? И откуда у вас работы Алексея?

Те переглянулись, и Соломон пробасил:

– Их дед из монастыря привез. Лешка картины прислал со смыслом, но мы не поняли, с каким именно? Позвонили Андреичу, тот сказал, что их нужно показать женщине, которой нравится «Пейзаж с дождем». Вот мы тебя и пригласили.

И с любопытством добавил:

– Это мы у тебя спрашиваем, что Лешка сказать хотел?

А Федор попросил:

– И еще Расскажи, как ты к камню съездила? Туда сейчас попасть трудно, а ты побывала летом, мы точно знаем!

– А почему трудно? – удивился Жуков.

– Дорогу в обход пустили, до камня не добраться, – объяснил Федор. – Люди по лесу шапстают в форме лесников, прохожих гоняют, якобы, во избежание пожаров.

И я поняла, почему Глеб запретил нам появляться в Вишневке. Местность негласно и ненавязчиво опекали силовики, и наше появление могло вызвать их интерес. Ведь камень не всех допускает к себе, да и по-разному действует на людей, так что каждый из нас может стать любопытнейшим объектом для изучения.

Не следовало афишировать то, что произошло, но и хранить в абсолютной тайне было бы глупостью. Мало ли что могло с нами случиться! А на художников можно было положиться, тем более, что они сами уже ввязались в эту историю.

Я взглянула на Жукова, тот кивнул. И я рассказала все, что произошло после нашей последней встречи на Садовой. Ребята внимательно слушали, изредка задавали вопросы.

Когда я закончила, надолго задумались. Потом Федор сказал:

– Надо же, как все переплелось: Стасевич, Вишневка, Житовичи, вы... Одного не пойму: связующей нитью является камень или же Алексей?

Я пожала плечами:

– Мне, в первую очередь, интересно, что Стасевич хотел сказать картинами? То, что Куницын жив, и его нужно искать в Житовичах? Или то, что он связан с Чижевским? Или же это – просто образы, которые надо расшифровать? И к чему такие секреты и сложности? Я понимаю, что личность Стасевича по-прежнему вызывает интерес и ему безопаснее в монастыре. Но зачем передавать полотна через знакомых, чтобы мы сломали головы над их смыслом? Не проще ли назначить встречу в Житовичах и расставить все точки над i?

– Значит, не проще! – твердо сказал Соломон. – Лучше задайся вопросом, кому и зачем нужен Лешка? Почему он скрывается в монастыре? И кто с маниакальной настойчивостью пытается завладеть его работами? Причем, чем дальше, тем интерес к ним больше!

– А у тебя есть соображения на этот счет?

Соломон кивнул:

– После того, как вы рассказали о визите в Вишневку, все понемногу стало занимать свои места. Истинный художник творит не разумом, а энергией, которая в нем заложена.

– Информацией, – поправил Федор.

– Пусть будет информацией, – согласился бородач. – Информацию эту Бог поровну не делит: самой тайной и сокровенной он одаривает лишь избранных. А те уже в образах доно-

сят ее до человечества. И чем тоньше художник чувствует, тем сильнее и необычнее его образы. А Лешка в этом плане – человек уникальный, он след от полета бабочки видит! Представляете, какие возможности в нем открылись после поездок в Вишневку? Его нынешние картины проникают в зрителя! Не знаю куда, – в мозг, душу или сердце, но они остаются внутри человека. И вызывают ответные чувства. Вот из-за этих свойств Лешка кому-то и нужен!

– Я же в прошлый раз говорил: главное – это эмоции, а из них самая сильная – любовь, – поддержал коллегу Федор. – И вера в то, что она всеильна. Если мать любит сына, муж жену, брат сестру, то они горы свернут во имя любимого человека только потому, что верят: это возможно! Такую истину Христос проповедовал еще две тысячи лет назад, а уж он-то знал, о чем говорил.

– А скажите, маэстро, – задумчиво произнес Жуков, – можно ли, пользуясь научными методами, проследить воздействие картин на зрителя?

Художники переглянулись, пожали плечами.

– Если к нему подвести всякие клеммы и диоды, – неуверенно сказал Соломон.

– Может, при помощи специальной аппаратуры, – согласился Федор. – А, вообще, думаю, это процесс длительный, требующий наблюдения за испытуемыми, анализа данных и прочих научных заморочек.

– А если быстро? – не отставал Борька.

– Разве что, на экстрасенсорном уровне, – размышлял Федор.

– Это относится и к чудотворным иконам? – спросила я. – Или к ним должен быть особый подход?

Все мы в большей или меньшей степени ощущали себя верующими, но религиозным никто из нас не был. Поэтому тонкостями церковными не владели и руководствовались, в основном, логикой и интуицией.

– И могут ли новые иконы считаться чудотворными? – добавил Жуков. – Насколько понимаю, они должны быть намоленными, а, значит, старыми?

– Ты имеешь в виду иконы кисти Стасевича? – уточнил Федор. – Ох, не знаю! Но если его обычные картины так мощно влияют на психику, что уж говорить об иконах? Иконописцы долго готовятся к процессу, настраиваются, какие-то обряды проходят... В приложении к Алексею это должно дать фантастические результаты! Не знаю насчет чудотворности, чтобы ее подтвердить, наверное, нужен срок и какое-то количество зафиксированных чудес, но то, что иконы, написанные Стасевичем, излучают огромную силу, сомнению не подлежит. И как она возрастет со временем, можно лишь догадываться! Я видел его иконы и знаю, о чем говорю.

– Где видел? – мгновенно отреагировала я.

Федор замялся и извиняющимся тоном сказал:

– Прости, но у нас свои секреты. И при ваших проблемах вам лучше о них не знать.

– Ладно, – сказала я. – А теперь подумайте: если кому-то удастся вывести примерную формулу воздействия искусства на психику человека, как он может ее использовать?

– В положительном плане или наоборот? – спросил основательный Соломон.

– Наоборот.

– Во-первых, блокировать психику людей от воздействия конкретных произведений, а, может, и всего искусства, в целом, – предположил Федор. – Для этого сгодится массовый и индивидуальный гипноз, замена истинных ценностей ложными, существуют, наверное, и другие методы. А, во-вторых, можно влиять на авторов, чтобы знак их энергии поменять с плюса на минус. То есть, заставить в свои работы противоположную информацию вкладывать. Причем, художник должен быть уверен, что правильно делает, и отдаваться процессу со всей страстью, а иначе нужного эффекта не будет. Кстати, я где-то читал, что любовь и ненависть вызывают одни и те же биохимические процессы в организме, за исключением какой-то мелочи. Но в этой мелочи – вся суть! Она-то и определяет конечный знак: плюс или минус.

Не зря предки утверждали, что от любви до ненависти один шаг. А они были намного мудрее нас и знали то, до чего ученые только пытаются докопаться!

Соломон добавил:

– Представляете, каким мощным оружием стали бы Лешкины картины, если бы действовали разрушающе?

Это было уже кое-что. Часы показывали десять, мы распрощались и нырнули в холод ночного города. Борька подвез меня к дому, но во двор, забитый машинами, въезжать не рискнул.

– Негде развернуться, – проворчал он. – Добежишь?

Я кивнула. Когда отпирала подъезд, услышала тихий свист, выводящий мелодию «Черного бумера». Оглянулась: возле беседки шевельнулась тень. Я захлопнула дверь и

гигантскими скачками понеслась вверх. Влетела в квартиру, повернула ключ и прислонилась к стене, чтобы отдышаться. Этот свист в течение нескольких дней я слышала в самых различных местах и в самое разное время, но не придавала этому значения. И только сейчас поняла, что меня преследуют.

VI

О невидимом свистуне я слуху рассказала ребятам и почти сразу же пожалела об этом. Те переполошились и установили негласный контроль за каждым моим шагом. Сначала я это терпела. Но когда, направляясь за водой для кофе, увидела Шантера, дежурившего возле двери с табличкой Ж, пригрозила, что в целях собственной безопасности буду ходить с ним в мужской туалет. И мужики от меня отстали.

Жизнь продолжалась, творческий процесс развивался. Придумывались новые рубрики, популярность журнала росла, но для полного счастья нужна была «бомба». После общения с художниками не исключалось, что она зарыта в Житовичах. Правда, мы не могли использовать всю информацию, которую добывали: во-первых, это было опасно, во-вторых, ее следовало осмыслить, что до завершения полного расследования представлялось невозможным. Но поклевать с ладони судьбы для журнальной сенсации было реально.

И мы решили навестить дозор, зорко несущий добровольную службу в глубинах отечественных лесов. Красин находился в командировке, рассчитывать на халявный транспорт не приходилось, поэтому отправлялись на Борькином форде. С нами напрашивались художники, мы выбрали Федора, так как его коллега был слишком приметен. Был и еще один довод в его пользу: Федор умел водить машину и очень просил поручить на обратном пути, что Жукову было на руку.

Утром по тротуару скребла шершавым языком поземка, и любой нормальный человек предпочел бы осесть на даче, смакуя коньяк под тихую музыку и всполохи пламени в уютном камине. Но долг призывно затрубил сигналом Борькиного форда, и я, чертыхаясь и тоскуя по осиротевшей постели, спустилась вниз. На заспанных физиономиях любимых коллег читалось недовольство, и я злорадно подумала, что не одинока в своем пессимизме. А затем согнала Шантера с переднего сиденья, и мы отправились за Федором. Ромка всю дорогу ныл, что его сзади укачивает, что мне впереди сидеть опасно, и он согласен подвергнуться смертельной опасности вместо меня. Но я шикнула, и он успокоился.

Федор ожидал нас возле подъезда с большой спортивной сумкой и тяжелой тростью в руке. Жуков запахнул сумку в багажник, взвесил на ладони трость и покачал головой:

– Не слабо!

Художник забрал палку и сделал несколько выпадов, как в голливудском фильме. В отличие от киношных, они представляли реальную опасность.

– Откуда навыки? – удивилась я.

– Так жизнь за спиной большая, – пожал он плечами, – всякое бывало!

И я подумала: «Как же плохо мы все-таки знаем друг друга!»

Когда проезжали мимо универсама, Жуков притормозил:

– Нужно купить водки для нас и вина для дамы, а то снова придется пить спирт!

– А без этого никак? – осторожно спросил трезвенник Федор: до полной очистки организма оставались сутки, и ему не хотелось раньше времени подвергнуться искушению.

– Никак! – вздохнул Борька. – Единственный источник информации в Житовичах – дозор, а он предпочитает общаться во время застолья

Кроме спиртного, прихватили деликатесов, конфет и фруктов. Когда выруливали на шоссе, дорогу перебежала черная кошка. Заговорили о суевериях и животных. Мое детство прошло среди разной живности, и я могла написать книгу, которая полностью опровергла бы все привычные представления о них. Я убедилась, к примеру, что животные, в частности, кошки, понимают абсолютно все, о чем мы говорим. Скорее всего, не на уровне разговорной речи, а на уровне наших мыслей.

– Выходит, что кошки – телепаты? – недоверчиво спросил Шантер.

– Думаю, что не только кошки, – обнадежила я. – А еще они предвидят будущее, и я в этом сама убедилась. Может, предчувствие землетрясений и прочих катастроф обусловлено не какими-то колебаниями земной коры, а особым ощущением времени? И кошки, падая с высоты, умеют его замедлять, принимать нужное положение и не разбиваться? То есть, чувствуют прошлое, настоящее и будущее одновременно!

– А при чем тут суеверия? – не унимался Ромка.

– Представь, что кошки, особенно черные, предвидят опасность, которая может случиться с тобой в ближайшее время, поэтому и перебегают дорогу.

– Чтобы предупредить?

– Может быть. А, может, по какой-то другой причине. Вообще, на мой взгляд, лучше всех животных чувствовал Есенин. Думаю, он многое мог бы о них рассказать.

– Выходит, нам сейчас следует поостеречься?

– Ты имеешь в виду черную кошку? Не уверена, что в городе, где столько всего понатыкано на каждом квадратном месте, эта примета срабатывает.

– А пустые ведра? – спросил заинтригованный Федор.

– Возможно, внутри них концентрируется отрицательная энергия, которая выплескивается на встречного. Особенно в металлических, представляющих собою сферические зеркала. А в таких зеркалах происходят невероятные процессы со временем и пространством. И наши предки, наверное, знали об этом. Не зря один умный человек сказал, что суеверия – это разрозненные остатки великих знаний. Но нам проще их отрицать, чем пытаться понять, потому что в противном случае теорию эволюции, твердящую, что развитие происходит от низшего к высшему, придется заменить теорией катастроф.

– И признать, что до нас были великие цивилизации? – уточнил Ромка. – Тогда выходит, что фрагменты предыдущих знаний действительно могли где-то аккумулироваться? А, может, не только фрагменты?

Продолжить познавательный разговор мы не успели: с правой стороны с проселочной дороги навстречу выскочил грузовик. Водитель был, видимо, пьян, пытался вырулить на соседнюю полосу, но не справился с управлением, машину занесло и нам предстояло врезаться ей в бок. Никто, кроме Борьки, не смог бы совершить фигуру высшего пилотажа, позволившую в считанные мгновенья обогнуть ее, проскочить под носом у встречной тойоты и прижаться к обочине. Автомобиль, ехавший за нами, задел грузовик, остановился, оттуда выскочили дюжие пассажиры и выволокли алкаша из кабины. Один стал по сотовому звонить в ГАИ, – до нас донеслись обрывки разговора. Потом он направился в нашу сторону, видимо, за моральной поддержкой. Заметив удивление и восторг на его лице, Борька предпочел ретироваться: нам хватило и одной публикации в газете.

Когда немного отъехали, Жуков подал голос:

– Кажется, ты что-то рассказывала о черных кошках?

Федор запоздало перекрестился, а Ромка снова стал ныть:

– Я же говорил, что впереди опасно сидеть! Зинаида, я готов пожертвовать собой ради тебя!

Я цыкнула, и он отстал. Федор с любопытством спросил:

– Так это правда про летающий форд?

Жуков застонал, а я приложила палец к губам. Художник понимающе кивнул, но всю дорогу с интересом поглядывал на Борьку.

Когда подъезжали к деревне, на улице вовсю мело. Жуков затормозил у дома старого эскулапа, вышел из форда и подергал калитку. Она была заперта.

– Никого дома нет, – сказал он, – на входной двери замок висит.

Подъехали к дому Саши, посигналили. На крыльцо вышла женщина, поздоровалась и крикнула, что супруг пошел на рыбалку. А, может быть, в лес. В общем, у него выходной и он не докладывал, где будет шлаться.

– Правильный подход к супружеской жизни, – одобрил Федор. – Мужчина сам должен распоряжаться своим временем!

Я скептически хмыкнула, а Жуков предложил ехать в лес – любимое место отдыха наших недавних знакомых. В отличие от меня, он прекрасно ориентировался в пространстве, и еще в прошлый раз присмотрел место, где можно оставить машину. Оттуда до поляны – рукой подать.

Дорога подмерзла, машину слегка потряхивало. Доехали до нужной площадки, припарковали форд, взяли припасы и двинулись на запах костра. Вокруг заветного пня в полном составе нес вахту дозор, а немного поодаль незнакомый мужик поджаривал над пламенем сало и колбасу. Куски провианта были нанизаны на прутья, словно шашлык, и дразнили присутствующих неповторимым ароматом. Завидев нас, дозор обрадовался.

– А мы ожидали вас, – сказал главврач, пожимая Жукову руку. – Только не знали, в какой день приедете.

Я не стала расспрашивать, откуда снизошло на них прозрение, все было ясно и так: Стасевич, передавая картины художникам, был абсолютно уверен в реакции, которая за этим последует. Но это означало, что дозор с ним поддерживает связь.

Федор выставил на пенек припасы, мужики одобрительно покосились на деликатесы и насмешливо переглянулись при виде спиртного.

– Вино пить на холоде, – одна дурь в голове и никакого сугрева, – рассудительно сказал дед. – Водка хуже, чем спирт, но для парня и женщины сгодится. А тебе, Борис, сам Бог велел чистый напиток употреблять. Ты мужик здоровый и крепкий, тебе он только на пользу, как лекарство для профилактики гриппа.

Нам с Ромкой налили водки, Федор плеснул в стакан чаю из термоса, отговорившись тем, что он за рулем, а Борька безропотно принял профилактический медпрепарат. На холоде, да еще под сало, пахнущее дымком, захмелеть было трудно. Братья-цыгане извлекли откуда-то овчинные полушубки и торжественно вручили нам. Потом представили нового члена команды.

– Олег! – пожал всем по очереди руку кашевар. Тыльная сторона кисти была татуирована, на безымянном пальце и мизинце не хватало фаланг.

– Отморозил, – добродушно признался парень, перехватив мой взгляд. По наколкам можно было проследить основные этапы его жизненного пути. Два из них, несомненно, прошли на флоте и в лагерях.

Трещал костер, пахло хвоей, мы наслаждались моментом. Ромка облизывал пальцы и не скрывал восторга, наваянного партизанской романтикой. Сразу информацию добывать было неприлично, поэтому общение началось со светской беседы. Поговорили о том, о сем, о погоде и радикулите, потом Борька спросил:

– Как машина?

– Бегаёт! – живо отреагировали братья-цыгане.

– Мы встречались с хозяином, он просил передать, что дарит ее вам. Так что можете владеть спокойно!

Дозор возликовал и предложил за это выпить. А заодно и за бывшего владельца «шестерки» Ферзя, благодаря которому мы познакомились.

– Когда Стасевича видели? – как бы, между прочим, поинтересовалась я. Хозяева переглянулись и с подозрением уставились на Федора.

– Это коллега и друг Алексея, – успокоила я, – ему Стасевич картины передавал.

– Точно! – хлопнул себя по лбу главврач. – Он же рассказывал о своих друзьях!

И поведал, что Алексей, порой, бродит по окрестностям в сопровождении монахов или братьев-цыган, которым безоговорочно доверяет.

Я не удивилась. В свое время мне довелось общаться с цыганами, и я знала: если человек им по сердцу, то более надежных и верных друзей сыскать трудно. В юности у меня был пылкий поклонник цыган по имени Жан. Невероятно красивый, воспитанный и элегантный, он внешне напоминал звезду Болливуда. Только черные шальные глаза, полыхающие огнем, выдавали бешеный нрав, но Жан укрощал его, как дикого скакуна! А с цыганкой Машей судьба свела в больнице. Навещал ее чуть ли не весь табор. И когда шумную толпу медработникам удавалось выдворить, моя тумбочка ломилась от снеди и фруктов. Мы с Машей некоторое время поддерживали знакомство, я бывала в цыганском поселке, и вспоминала потом об его обитателях с большой теплотой. Странно, но представители свободолюбивого народа быстро проникались ко мне доверием.

После второго курса мы с Натальей проходили практику в одной из провинциальных газет. Жили в кемпинге на берегу речки. Однажды там остановился табор молдавских цыган. Они раскинули большие шатры и варили суп в огромных закопченных котлах, подвешенных над кострами. В супе целиком плавали крупные южные помидоры.

Мы с Натальей гуляли по берегу, вдруг из шатра выскочил парень с намыленными для бритья щеками и сходу начал знакомиться. Звали его Трусик. Молодые цыганки бросали ревнивые взгляды: видно, Трусик был в таборе первым парнем. Пожилые женщины, наоборот, отличались радушием и приглашали слушать цыганские песни.

Вспоминая об этом, я вдруг изумленно подумала: а ведь цыганки мне почему-то отказывались гадать! Как я не просила, они лишь отнекивались и отводили глаза!

– А можно нам встретиться со Стасевичем? – услышала я голос Жукова и очнулась.

Яша покачал головой:

– Пока нет. Это опасно для вас. И для него тоже. Возле монастыря люди странные бродят, об Алексея спрашивают. И о тех, кто с ним встретиться хочет.

– Что же он хотел сказать картинками? – пробормотала я.

– А чего гадать? – услышав мое бормотанье, заявил дед. – Все Олег расскажет! Он уже несколько дней в лесу дежурит, чтобы с вами увидеться.

Выяснилось, что Олег живет в приюте для бомжей, недавно организованном фирмой «Око». Условия там хорошие, кормят нормально, в медицинских кабинетах полно аппаратуры. Приезжают профессора, проводят обследования. В общем, все бы отлично, если бы не два момента: во-первых, приют охраняют, как режимный объект, и вырваться на свободу хотя бы на пару часов практически невозможно. А, во-вторых, люди стали болеть и пропадать.

– Как пропадать? – удивился Федор.

– Друг мой пропал, – сказал Олег. – Его лечили, на процедуры водили, а потом исчез.

– А чем болел? – вмешалась я.

– Мудреный диагноз, я не врач и толком не понял. У любого человека можно болезни найти, а у бездомных их целый букет!

– В милицию заявляли? – спросил Жуков.

– А как туда заявишь? – пожал плечами обитатель приюта. – Нас же к телефону не подпускают! Мне удалось найти лазейку, выбраться и сообщить Яше, но толку от этого никакого!

– Я в милицию позвонил, – подтвердил цыган, – наряд приехал, а врачи в приюте сказали, что парень сбежал. У бомжей документов нет, они часто не свои фамилии называют, как их потом найдешь?

– И многие пропали? – поинтересовалась я.

– Человек семь, насколько я знаю, – сказал Олег, – но двое, вроде, взаправду сбежали.

– Так, может, и друг ваш в бега подался?

– Нет, – покачал головою новый знакомый, – мы общие планы строили, он бы предупредил. Да и хворать стал в последнее время, вряд ли рискнул бы далеко отлучаться.

– Подробнее, пожалуйста, – попросил Жуков. – Вспомни, что объединяло пропавших? Возраст, симптомы заболеваний? Может, они из одной местности? Что между ними общего?

– И как исчезали? – подсказала я. – Ложились спать, а утром их не оказывалось в постелях? Или вечером шли на прогулку и не возвращались? И что было до этого: какие-то процедуры? Прием у конкретного врача? Беседы с кем-то?

Олег задумался. Потом стал вспоминать, а мы из разрозненных, скудных фрагментов пытались сложить картину. Получалось, что некоторое время назад обитателей приюта консультировал профессор, очень похожий на Чижевского. Он отобрал несколько человек, беседовал с каждым индивидуально, а потом передал другому специалисту. Тот их тоже обследовал, поставил какие-то диагнозы, назначил процедуры. Процедуры проводились в кабинете, куда доступ посторонним был категорически запрещен. С каждым разом людям становилось все хуже. У них ежедневно брали кровь и мочу на анализы, водили на УЗИ. Больные начали беспокоиться, но врачи успокаивали: это, дескать, временное явление перед процессом выздоровления. А потом люди стали по одному исчезать.

– Сколько человек участвовало в эксперименте? – напрямую спросила я.

– Так это был эксперимент? – вздрогнул Олег. – В процедурный кабинет ходили семеро, как я уже говорил. Двое убежали после первой же процедуры.

– Второй врач тоже приезжий? Как он выглядел?

– Да, он в приюте не работает. Невысокий, с животиком, лысый.

Это был генетик с юбилея Чижевского.

– Ты его знаешь? – насторожился Борька.

– Еще один гость с дачи в Сосновке, – кивнула я. – Олег, постарайтесь вспомнить: сопровождалось ли каждое исчезновение каким-то повторяющимся, не совсем обычным событием?

Парень снова задумался. Потом неуверенно сказал:

– Каждый раз поздно вечером приезжала большая черная машина и останавливалась возле флигеля позади главного корпуса.

– С бледным блондином за рулем?

Олег покачал головой:

– Я не видел водителя. А машины возле приюта утром уже не было. И друга моего в комнате тоже не было.

– Вы в одной комнате жили?

– Да. Но спим мы всегда очень крепко: видно, снотворное в чай или сок подмешивают. Помню, я лег, и сразу же погрузился в дремоту. Костя расстилал постель, но вдруг согнулся и застонал. Я сквозь сон спросил, что с ним и не нужна ли помощь? Но он сказал, что живот прихватило, но боль уже проходит. Я уснул и больше Костю не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.